

АЛЕКСЕЙ ВИЛКОВ

18+

ПСУСНИСА

Алексей Вилков

Psychica

«Автор»

2019

Вилков А. С.

Psychica / А. С. Вилков — «Автор», 2019

Доктор Маликов был далек от разгадок тайн психики. Волею случая он оказывается в эпицентре странных событий, став участником опасных экспериментов управления разумом, погружившись в борьбу за свободу и независимость. Находясь в заключении, ему предстоит пройти испытание подсознанием, заново пережив увлекательные эпизоды своей биографии: войну, травмы юных лет, далекие путешествия и поиски потерянной семьи.

© Вилков А. С., 2019

© Автор, 2019

Алексей Вилков

Psychica

Глава первая

Суточные дежурства редко проходили без непредвиденных сложностей. В минуты затянувшейся паузы сквозь тучи прорезались тусклые огни небосвода, а их плавные тени исчезали в ложбинах косых карнизов. Жажда мучила пересохшее горло, но дух привык стяжать себя и не поддавался на телесные провокации.

Скорый вызов не обещал приятных вестей. Смену подняли после полуночи, когда добрая половина спасателей пытается отдохнуть, но разве расслабишься в постоянном ожидании террады о помощи?

Диспетчер указал адрес на северо-западе. Максим Сергеевич Маликов вкалывал сутки через двое, в коротких перерывах приводя в порядок дурную голову. И сейчас он пытался вздремнуть, делая вид, что вызов его совсем не заботит.

Звонок поступил от женщины с жалобами на острую боль в животе, умоляющей вызвать ее из запертой квартиры, так как замок заел и не выпускал хозяйку на лестничную площадку. Бригада выехала молниеносно, прихватив тяжеленный ящик с медицинскими принадлежностями и подручными средствами.

Ночь сияла прохладой. По старой привычке Маликов носил синий хирургический костюм. Для тепла он накинул потускневший, но довольно опрятный халат, спрятав в грудной карман салфетки и шариковую ручку. Рабочий настрой был откровенно паршивым.

За Маликовым рванул фельдшер, несуразный молодой парень, подстриженный под полубокс, с наколкой тарантула на шее и нелепыми бакенбардами, но с достаточно проницательными глазами, чтобы не промахнуться иглой и ввести лекарственный раствор любому нуждающемуся. Фельдшера звали Димка, без отчества и фамилии. Димка был новичок, числился совместителем на двух подстанциях и незаметно устроился в службу спасения, лишившись последнего выходного. После вызова он непременно выкуривал сигарету и угощал доктора, безуспешно боровшегося с никотиновой зависимостью последние годы. Максим никогда не отказывался и принимал угощение, хлопая Димку по плечу и отбрасывая немой укор, словно подсказывая, как тот подло поступает, выступая в роли змея-искусителя.

– Что там стряслось? – раздраженно спросил Димка, завязывая шнурки на истоптанных кедах.

– Кто его разберет, – вяло ответил Маликов. – Диспетчер как всегда толком не объяснила. Мы же привыкли к внештатным ситуациям, когда разруливать нужно на месте. Главное – проверить комплектацию.

Максим глотнул свежего воздуха и запрыгнул к водителю: неприлично древнему, почти трухлявому могиканину в дырявых штанах и просаленной олимпийке. Водила нервно поглядывал на часы и потирал пах, корчась от зуда в промежности.

– Семыч, заводи! Адрес-то получил?

– Получил. Не спеши! Успеем. В том квартале вечно неладное происходит, – укоризненно произнес он, вытирая черные руки масляной тряпкой.

У Семыча последнее дежурство перед долгожданным отдыхом. Он собирался тихо проспать до утра, но снова не вышло. Его сутки получались самые шумные, с приключениями и косяками. Семычу давно пора на покой, и он уже занимался оформлением пенсии, но половину недели крутил баранку, привыкнув существовать в дороге. За долгие годы практики он успел выучить названия основных препаратов и освоить технику оказания первой помощи, иногда помогая фельдшерам из-за дефицита кадров, разбираясь даже в клинике неотложных

состояний. Семычу повезло занять новую карету, и не отечественную «Газель», ломавшуюся через каждый месяц пробега, а дорогую немецкую лошадь с лихим разгоном и кондиционером. Водитель оперативно освоил борзую кобылу и не давал ей спуска, успев помять бока о бордюры и удариться передником в фонарный столб.

Тронулись. Под звездным небом мчатся вызволять попавших в беду – одно удовольствие. Перед взором открываются манящие просторы. Никто не заставит ждать в километровых заторах, разве что обгонит пьяный лихач, борзый таксист или кортеж с мигалками, запоздалый план-перехват или гусарский разъезд с куртизанками на субботник.

Сегодня пятница, точнее, власть уже захватывает суббота. По гороскопу ночь предвещает сюрпризы, даже если на календаре не тринадцатое число. Пятница почему-то вечно оказывалась падкой на неприятности. Дежурить в пятницу – плохая примета, но выбирать не приходится. Жаль, что этот день не оплачивается двойным окладом, а давно бы стоило пересмотреть тарифную сетку.

Маликов мечтал дотерпеть до восьми утра, чтобы поскорее сбежать домой и проваляться до обеда в кровати, затем понежиться в горячей ванне, а после выпить пива из холодильника, наесться разваристых пельменей с бараниной, пощелкать спортивные каналы и напиться чаю с мятными пряниками. Никто не помешает осуществить задуманное. Бывшая жена с шестилетним сыном обитают на другом конце города. Надо выспаться и набраться сил. На выходные многое запланировано. Есть вероятность, что он забьет на бывшую и пригласит на свидание подругу из седьмой смены, или не пригласит, забудет.

– Тебе бы в отпуск, Сергеич, – хмурился командир. – Так вкалывать нельзя. Вид у тебя зеленый. Не к добру. Это я занимаюсь рутинной, а тебе думать надо, поступать на свой страх и риск, это ведь не на красный проехать. Тут посложнее будет.

– Ладно тебе причитать, – деловито ответил Маликов, готовясь к долгому монологу. – Где наша не пропадала?! Отпуск у меня в августе. А что делать буду? Хандра заест! Устроюсь, наверно, на полставки в МЧС, или на частной буду халяву ловить. Когда перерыв, так я маюсь как лев в клетке. Привык быть в форме и на стреме. Когда наедине с собой остаюсь, тошно мне, понимаешь, будто перед расстрелом в камере держат, и вечно этот расстрел откладывают и откладывают, а я все жду и жду, когда меня выведут к стенке, приговорят и дадут команду: «пли!».

– Ну, даешь, – прокряхтел Семыч. – Аллегория...

– Прикинь, ты сидишь на нарах и представляешь, как все произойдет, а тебя не выпускают, тянут резину! И молчат, молчат! Только мимо часовые проходят по расписанию, кидают миску прокисшей дряни и алюминиевую ложку. Уж лучше от голода сдохнуть, чем ждать. Смерть есть смерть. Я совсем не боюсь ее! Сколько раз с ней встречался лицом к лицу, сколько раз на моих глазах умирали люди! Пожилые и в расцвете сил, совсем не успевшие жизнь повидать, и доисторические мастодонты, совсем как ты. Прости, не хотел тебя обидеть, и ни на что даже не намекаю. Но смерть всегда одинаково приходит. Часто ты даже чувствуешь, когда она рядом, и тогда хоть десять ампул адреналина вколи, хоть дефибриллятор разорви в клочья – все зря, не поможет. Смерть заберет свое. Злая стерва с косой!

– И не боишься ее? – саркастично прищурился Семыч, выбросив окурок в окно.

– Нет! Совершенно не страшно, – дерзко заявил Максим. – А почему? Потому что обманываю себя. Может, внутри колотит, а я не задумываюсь, привык к ней, потому как встречаюсь с ней ежедневно. Посуди сам, я же борюсь с ней, я ей враг, она на меня давно зуб точит, а я до сих пор на здоровье не жалуюсь. Хоть ты и озвучиваешь про себя мой приговор, мол, я зеленый и ошибаюсь в расчетах, а мне до фени. Это загар такой рифленый, как у обжаренных чипсов. Ничего ты не понимаешь, Семыч!

Водила свернул на пустом перекрестке и выехал на широкий проспект, зажмурившись от яркого освещения, а на лбу отчетливо появились волнообразные складки.

– Ну, завернул! Развел тему, смерть... А я боюсь, не веришь, боюсь ее. И я был на волоске, почти на том свете. Помню, выезд на встречу, толчок и отключка, а дальше пустота, туннель, далекий голос, возвращение, а потом пронзающая боль, и сознание. Я на кушетке, а в ноздрах катетер зудит. Боль так и ноет, так и жжет, как издевается надо мной, что я, падла, выжил, а рядом, гляжу, точит косу твоя подруга и скалится, будто мне средний палец показывает костлявый. Я бы пнул ее или капельницей огрел, но катетер приковал к матрасу, будь он неладный. После страх пришел. Жуткий, первобытный страх перед этой старухой. Нашла коса на камень! Я крепким оказался камушком, граненным. Не возьмешь голыми руками. Остается только старухе неприличные жесты вертеть.

– Ты следи за дорогой, не отвлекайся, – небрежно усмехнулся Максим. – Вот базар развели как философы! То вполне естественно, что ты перепугался. Любой бы обмочился в том положении. Если спросим Димку, так и он бы вообще в штаны наложил.

Маликов повернулся и отодвинул стекло в кабину. Облокотившись на край кресла, Димка сопел простуженным носом.

– Димон, ты боишься смерти?

Фельдшер недоверчиво покосился, выдавив из ноздрей вязкую струю слизи.

– На кой так пугать? Максим Сергеевич! Тьфу, насморк!

– Вот и Димка боится, – заключил Маликов.

– Ты не подумай, что я трус?! Нет! – оправдывался Димка. – Я иногда люблю с моста на резинке прыгнуть. Это ли не игра со смертью? Ладно в озеро нырнуть, а тупо в асфальт – вот где адреналин! А я ныряю и ныряю, и мне так хорошо, не поверишь! Непередаваемые ощущения.

– И никто пока не разбился?

– В нашей компании никто. Ходят разговоры, что кто-то когда-то, далеко-далеко. Видимо, специально слухи разводят для рекламы и драйва. Без него запахло прыгать.

Подытожив мысль, Димка залез в рюкзак и достал банку энергетика. Открыл крышку с пол оборота и жадно присосался к отверстию.

Максим жестом попросил угостить. Банка пошла по рукам.

– Пить хочется как в похмелье, – тяжело вздохнул Димка и откинулся в кресле, заворочено уставившись в мелькавшие светотфоры.

Скорая завернула в узкий переулок, приминая тонкие лужи, и въехала в темный двор. Вокруг ни души, будто ничего не произошло. Первозданная тишина и покой. Семыч даже не собирался включать проблесковый маяк и сирену.

Вскоре Маликов пригляделся и понял, что заблуждается. У подъезда стояла вторая карета, потертая, грязная, боевая, словно с августовского путча. Рядом копошился в бумагах тощий мужик в красной майке и резиновых сандалетах.

«Перепутали что ли? – предположил Максим. – Бывает. Диспетчер ошиблась, или больная на всякий случай вызвала параллельную бригаду частников. Так что же это за нехрести? Район свой. По второму кругу на один адрес никто не ездит».

Нетерпеливый Семыч выбрался из кабины и подкатил к безымянному гражданину. Завязался короткий разговор с обилием ругани. Тощий в майке угостил Семыча сигаретой. Послышался треск боковушки, и снаружи показался разбуженный Димка. Пора и Максиму выйти да разобраться.

Тут как тут из «Газели» вылез неуклюжий доктор в темных очках, в расстегнутом мятом халате, отглаженных брюках в полосочку и клетчатой рубашке. Совсем как непман в городе-герое Одессе. Вид его не вызывал доверия, а скорее, наоборот, отталкивал, будто про каждого собеседника он знает что-то постыдное, о чем обязательно произнесет вслух.

Застыв, доктор уставился на Маликова с дурной ухмылкой, будто его забавляла эта нелепая ситуация. Максима ситуация забавляла не меньше. Осталось дожидаться пожарной бри-

гады, провести оцепление дома и эвакуировать жильцов, предположив, что в подвале заложена самодельная взрывчатка.

Пустяки! Во всем виновата пятница.

– Доброй ночи! – поздоровался очкарик. – Вы как раз кстати. Служба спасения?

– Почти угадали, – ответил Максим. – А вы сюда случайно забрели?

– Шутите? – сморщился он, дрогнув ключицами. – Мы психиатрическая бригада. Поступил вызов, что в этом подъезде буйствует наш клиент. Дверь заперта. Никто не открывает. Требуется ваша помощь. Вы бы взломали замок, а дальше мы справимся. У нас крепкие санитары! – показал он на лавочку, возле которой маячили две высокие тени, будто нарочно спрятавшиеся за раскосыми ветками тополей.

– И мы по вызову. Сорок шестая квартира. Женщине плохо, – пояснил Максим.

– Так давайте поторопимся, пока буйный больной ее и себя впридачу не покромсал?

Дружным вихрем бригада взлетела на пятый этаж покоренной хрущевки, готовившейся под снос. Типичная картина: узкий подъезд с разодранными перилами, запах канализации и кошачьих фекалий, пустые картонные коробки, окурки и шприцы. На обглоданных стенах маячат стертые граффити и ругательства с указанием, кто есть кто.

Остановившись у металлической двери, Максим раздал указания Димке. Вскрыть замок – нет проблем. Фельдшер специализировался на взломе и когда-нибудь собирался метнуться в домушники. Пока он молод, наивен и добр, веселее прыгать с моста со страховкой, а когда повзрослеет, адреналина будет не хватать, и понадобятся деньги на женщин, он легко уволится и займется более прибыльным ремеслом, превратившись в талантливое медвежатника.

Очкарик представился Глебом. Передвигался он нарочито осторожно, но грациозно, чуть виляя задом как легковесная пигалица. Вид у него был мрачный, а слипшиеся волосы на затылке таранились петухом. На цыпочках он подошел к двери и постучал маленьким кулачком, продемонстрировав дипломатическое искусство, спросив, есть ли кто внутри, разрешите войти, и тому подобную ересь. Максим удивился, почему сюда пока не примчалась полиция. Он терял контроль над происходящим, не понимая, как следует поступить, чтобы сохранить репутацию.

Сохранив карикатурно-зловещий вид, очкарик упрямо тарабанил по железу, монотонно повторяя:

– Помощь пришла! Открывайте!

На секунду послышался женский стон, протяжный и писклявый, прерываемый лаем, ржанием, почти демоническим воем. Медлить – уже преступление, будто оставалось несколько секунд, и чье-то нерадивое сердце издаст последний стук.

Пронрыливый Димка, получив одобрение командора, взялся за отмычки, поковырялся в замке, поднапрягся, приспособив санитаров держать стояк, завел дрель, и дверь поддалась, открывшись.

«Слабо заперлись!» – оценил Максим, наблюдая, как разъяренные санитары и предусмотрительный Глеб врываются в прихожую ухоженной квартирки с «евроремонтом».

Затхлый запахок вонзился в рассудок. С грохотом падала посуда, и скрежетали стулья, а после прозвучал пронзительный крик, когда санитары схватили кого-то, уложив на пол. После раздался противный визг. Маликов пасовал зайти следом, пока кто-то не подтолкнул его в спину так нагло, что он вышел из ступора. Раньше особо не приходилось связываться с психоневрологическими случаями. Он сторонился сомнительной науки, смутно запомнив только экзаменационный цикл на пятом курсе.

– Доктор? Тут и вам работенка найдется, – проскрипели за стеной санитары. – Взгляните?!

Сохранив бдительность, Максим медленно прошел в зал, увидев перед собой лежащую возле дивана женщину средних лет в порванных чулках. Она приглушенно стонала, испачкан-

ная в крови, размазывая ее по малиновому ковру, оставляя китайские иероглифы. Ее зверски чем-то изрезали. Ноги и руки пестрели кровоточащими полосами, а под халатом пульсировала рваная рана в области живота. Нечастную исполосовали как треску на празднике норвежских рыбаков.

Маликов преодолел замешательство и раскрыл аптечку, свистнув фельдшера.

– Ты куда запропастился?

– Там психа вяжут. Загляделся, – оправдывался Димка, разрывая спецпакет.

Изувеченная женщина пыталась встать, но не удерживала равновесие и плашмя падала, ударяясь затылком. Сноровистый Димка перевязал ей раны и вколол анальгетик, нецензурно ругаясь. Дамочка легко отделалась. Банальный случай бытовой поножовщины, каких Маликов наелся по горло. Жить будет, никуда не денется, размышлял он, оставляя ее с напарником, полагая, что понадобятся носилки, попутно перебирая в уме ближайшие клиники.

– Что случилось, мать? – грубо спросил фельдшер. – За что он тебя?

– Нет, нет, я не виновата, – прозвучал хриплый голос, – я не виновата. Спрячьте оружие! Спрячьте ножи! Он убьет меня! Его ищут!

– Не понял, что ты несешь! – сплюнул он под ноги, совсем отказавшись от норм приличия. – Кто кого ищет?

– Не трогай ее! Крови много потеряла, болевой шок. Ты, ей Богу, как на стажировке, – нахмурился Максим. – Принеси носилки и позови подсобить Симыча!

За стенкой доносились заунывное бормотание и юродивые смешки. Поддавшись любопытству, Максим осторожно заглянул к коллеге, чтобы узнать причины происходящей нелепицы. У мозговеда ситуация увлекательнее. На расцарапанном кресле сидел босой мужчина тридцати лет с порванными штанами и взбитой синей рубашке. Его руки умело застегнуты наручниками. Санитары держали его под прицелом, тяжело сопели и потирали локти с засохшими ссадинами.

Больной обливался потом и отрывисто хрипел, повторяя бессвязные предложения, неадекватно посмеивался и настороженно косился по сторонам, видя в окружающих угрозу и испытывая непередаваемый страх, переполнявший накаленные внутренности. Он готов метаться по стенам и напрягал мускулистые жилы, чтобы разорвать цепь, но внимательная стража следила за каждым движением, предугадывая возможный ход. Он обессилено рыпался, изображая мученическую гримасу.

Задумчивый доктор присел на табурет, отодвинувшись на порядочное расстояние от безумца, достал бортовой журнал, щелкнул ручкой и начал опрос.

– Что с вами случилось? Откуда такой переполох?

– Мне страшно! – выпалил несчастный, пытаясь зацепить возле кресла перламутровый галстук.

– Кого же вы боитесь? – уточнял психиатр, аккуратно записывая жалобы. – Здесь вроде все свои.

– Существа! Они следят за мной! Вижу, слышу, ощущаю их. Они близко!

– Так бы сразу и сказали, – заметно расслабился очкарик. – Кто, кто? Существа? Черти что ли?

– Нет!оборотни! Вы и есть переодетые странники! Вы уничтожьте меня, как только я признаюсь! – надрывался мужчина. – Никто не подвластен воле демонов! Но судный день пока не пришел, и я не отдамся посланникам ада. Демоны! Демоны! Прочь! Убирайте архангелов! Развяжите меня?! Приказываю! Прочь! Прочь!

Санитары слушали его, не сдерживая зевоту. Наверно, приятно осознавать себя небесными слугами. Они небрежно поглядывали то на доктора, то на пойманного больного, ожидая появления за спинами крыльев.

Доктор уже не вслушивался в речь сумасшедшего, а бодро привстал, подмигнул Максиму и обратился к своему чемоданчику, набрав из ампулы прозрачный раствор. Тут же верные помощники прихватили одержимого и нагнули вперед. Доктор вонзил иглу в ягодицу, не прицеливаясь.

– Под кайфом что ли? – успел спросить Максим, когда санитары одевали больному штаны.

– Так сразу не определить! – пояснил Глеб. – Бред, глюки, возбуждение. Наверно, дебют психоза. Пусть в клинике выясняют. Сейчас он не способен на продуктивный контакт. Чуть сожительницу не зарезал! Вот молодец! Это из-за колоссального стресса. Не со зла, конечно. Такое часто случается, например, когда «белочка» вдруг приходит, но что-то я не вижу поблизости стеклотары и закуси. Дебют! Скорее, дебют. Вы осмотрели пострадавшую? Она уделит мне пару минут?

– Боюсь, что нет, – мрачно ответил Максим. – Женщина не в состоянии давать интервью. Мы спустим ее вниз и доставим в дежку.

– Тем лучше. Зачем нам бездарно время тратить? – кивнул доктор, – а ведь хорошо, что она жива. Сейчас бы пришлось труповозку вызывать, заполнять кучу бумаг, но боюсь без блюстителей закона не обойтись. Он ведь ее чуть не грохнул. Не узнаю я его, уважаемый! Не хроник вроде. Я в этом районе давно парюсь и большинство наших героев знаю в лицо. Обычно куролесят одни и те же. Всех успеешь запомнить, и мамаш и папаш, и их полоумных родственников. А этот новенький, и симптоматика нетипичная. Любезный, скажи-ка? – Глеб плавно повернулся к больному. – Какой сегодня день, месяц, год?

Тот на удивление быстро успокоился и без ошибок назвал правильную дату. Вместо разъяренного оскала он уже надел маску благообразия, хаотично вздрагивал и закидывал голову, вытягиваясь струной, и затем сжимался губной гармошкой. Максим заметил босые ноги с обкусанными ногтями. Не хватало орудия преступления. Чем он исполосовал ее? Не зубами же искусал?

Будто предугадывая ход мыслей Маликова, психиатр указал на угол, где из-под опрокинутого пуфика торчал нож. Не мачете. Таким хлеб режут да масло намазывают на булки.

Доктор пояснил, что в приступе галлюциноза больной старается обороняться, так как в любом видит врага. Вероятно, он использовал нож для самозащиты, а под руку попала знакомая, которая совершенно зря принялась его успокаивать и отважно приняла удар на себя.

– Оставим улики как есть, – предложил Глеб, облизывая засохшие губы. – Берем его, ребят?! Мне бы сериал досмотреть, пока батарейка в телефоне не села.

Санитары приподняли обмякшего больного без малейшего сопротивления. Он что-то шептал когда его подталкивали в спину. Очкарик обшарил взглядом квартиру, присел на край стула, положил на колени листок и бегло оформил вызов, рисуя замысловатые каракули. На последок доктор осторожно постучал по соседям. Никто не пошевелился выйти, только послышалось, как невидимая бабка прокряхтела напротив, поворачивая покрепче ключ.

Пока они спускались, к подъезду причалил полицейский наряд. Из синего «форда» показались два пузатых увальня в нарядных фуражках. Доктор четко разъяснил, что к чему, отказавшись от помощи. Казалось, он знает патрульных по именам. Полисмены записали паспортные данные дебошира и поспешно ретировались.

Сомневаясь, Максим все же предложил Глебу поговорить с женщиной. Лекарство подействовало. Красные щеки и мигающие зрачки показывали, что она находится в удовлетворительном состоянии.

– Впервые с вашим другом такое? – прямо спросил психиатр.

– Да! Не представляю, что на него нашло, – сказала она, корчась от боли. – Весь вечер ходил напряженный и молчал, а когда я достала его с расспросами, набросился с ножом. Я упала и отключилась, а когда очнулась, доползла до телефона и позвонила в службу спасения.

– Раньше никаких отклонений в нем не замечали?

– Вроде нет. Извините, плохо соображаю. С мужем все было в полном порядке. Не пил, не курил, ничем не болел.

– Значит, он ваш муж. Хорошо, – заключил Глеб. – Понятно. Дебют, дебют. Демоны, убийцы... Мы не ошиблись. Вы потом навестите его в больнице и забирайте, если он откажется лечиться. И обязательно расскажите в подробностях о нем лечащему врачу.

Для страховки Максим обменялся с Глебом контактами, чтобы узнать, чем дело закончится. Время поджимало. Он корил себя за нерасторопность и неоправданный риск. Пациентку нужно скорее доставить в клинику. Неизвестно, как она перенесет кровопотерю и жуткий стресс. Отправив Димку в кабину к Семычу, Максим сделал пациентке дополнительную инъекцию и внимательно следил за ее состоянием. Женщина жалостливо всхлипывала и непонимая отвечала на вопросы в предобморочном состоянии, а Максим думал о странном вызове и абсурдном поведении ее благоверного. За что он ее? Жестокие раны! Видно, действительно напал без прямого умысла. Лишний сантиметр влево, и прокол задел бы жизненно важные органы. По пути Максим диагностировал у нее сотрясение мозга, проверив основные рефлексы.

В приемном покое дежурной лечебницы Максим вкратце обрисовал клиническую картину, настаивая, чтобы пациентку определили в реанимацию, а ее небрежно переложили на кушетку и увезли по белому коридору. Теперь совесть его чиста, он не допустил серьезных ошибок, доставив ее в целости и сохранности. Не скончалась, и ладно. Дальше пусть разбираются, как хотят.

У машины неторопливо курил Семыч, делясь футбольными новостями с Димкой. Заметив Максима, словно непослушные плохиши, они прикинулись припадочными, скорчив отвратные рожи, жалуясь, что им не платят за вредность, а следовало бы раскошелиться, раз они здоровьем рискуют.

Максим достал из бардачка полотенце и вытер мокрую шею.

– Вызов! – гаркнул водитель.

Расселись по местам и помчались дальше. Накатывала дремота, сосало под ложечкой, и клонило на боковую. Хотелось развалиться удобнее, убавить громкость приемника и заснуть, предварительно опрокинув стопочку коньяка.

Летом фельдшер носил с собой в термосе законспирированное пиво, но последний месяц хвастался, что завязал с алкоголем, употребляет только парное молоко и квас. Маликов обожал квас. Когда к полудню жара окончательно доставала, они подъезжали к разливной бочке и покупали двухлитровые бутылки, опустошая их в ожидании приказа диспетчера, правда проскользнуть мимо живительной точки удавалось редко.

– Что на этот раз? – спросил фельдшер, ковыряясь в карманах джинсов.

– А я почему знаю? – брыкнул водитель. – Не объяснили.

До цели мчали по объездным дорогам, пересекая водосточные стоки. Семыч знал свой район как родинки на теле покойной супруги. Набрав рекордный водительский стаж, он гнал похлеще заправского таксиста по кратчайшему расстоянию, даже если юлил в объезд, как матерый профи, прокрутивший за баранкой тысячи километров до камней в почках и хронического простатита, но верно служивший столичному здравоохранению и лично префекту округа. К юбилею его даже наградили почетной грамотой и солидной премией, даже подарив путевку в подмосковный санаторий. Семыч никогда не звездился и по личной инициативе делился опытом с подрастающими пасынками, чтобы те не меняли белоснежную скорую на драную маршрутку.

Когда подъехали, шум и гам доносились из сквера с нахлобученными кустами. Около биотуалета и ларька с шаурмой собралось мини столпотворение. На месте их снова ждали. Максим не поверил счастливой встрече. Закон парных случаев в действии. Успевшая стать род-

ной психиатрической бригаде уже обрабатывала шального седого дядьку в коричневом джемпере и старомодных джинсах, прыгающего как пьяная обезьяна.

Действовали в темпе и слаженно. У клиента вспорота брюшная стенка. Темная кровь окрасила асфальт. Максим принес инструменты, оттолкнул стервятников и хладнокровно продемонстрировал отточенное искусство, наложив швы на рваный разрез. Седовласый пугал толпу и молил о помощи. После перебинтовки его уложили на каталку, фиксируя за запястья.

– Приветствую, коллега! – прозвучал знакомый баритон. – Вот вам пример незавершенного суицида. Носился по парку, как заводной апельсин, и что-то кричал, скрывался от кого-то. Видимо, от мнимых преследователей. Ну, и добегался. Решил покончить с собой. Так, дорогой? – обратился Глеб к незадачливому самоубийце: – Признавайся! Зачем брюхо вспорол? Резать-то не так надо.

– Мстители найдут! – глухо произнес больной, – они придут за мной. Лучше смерть, чем попасть в клетку. Я не вынесу издевательств! Убейте меня! Убейте! Они не отстанут. Я пытался спастись. Это все они, они довели до края. Что я натворил? Нет! Это словно был не я, а неизведанная, чужая сила! Нет! Я никогда не подчинюсь им! Никогда!

– Тише, тише, вредно так волноваться, – вмешался Максим. – Помолчите пока! Пресс надорвете! Так куда его?

– А вы как думаете?

– Забирайте! Нам с ним связываться не резон. Только пусть его осмотрит хирург.

– Правильно, – кивнул Глеб. – Бойкая ночь выдалась. Многим вдруг снесло крышу. И этого джентльмена я вижу впервые. На вид вполне приличный гражданин. Вон его пиджак мокнет в луже. Дорогой пиджак, между прочим. В парке земля как жижа от дождя не просохла. Кто-то видел его очки, или уже стащили? Здесь околачивался очевидец. Вон тот!

Сомнительный хлыщ в грязных кроссовках и оранжевой кепке, держа в руке банку энергетика, донес, как полоумный скакал по скверу, пытаясь от кого-то спастись.

– Его окликнули, предположив, что наяривает бухой бомжара или возмутитель спокойствия, – пояснил случайный свидетель. – Собирались ментов вызвать, да у самих рыло в пушку, а потом заметили, как он резанул себя и упал.

– Вся шняга закрутилась, когда он вылез из черного внедорожника, – добавил второй зевака, сверкая гарнитурой. – Отошел к бордюру, и как запляшет вприсядку, как физкультурник, типа олимпийский резерв, задал такого шороха – вот было палево, а потом пустился наутек. Даже не успел заснять его на мобилу. Дикий страх на него напал, и точно та тачка его сопровождала, а как пырнул себя, так тачка пропала. Похоже, его пасли! Связь здесь есть, правду говорю, мужики! Связь прослеживается, потому как тачка крутая. Уехала, а он подыхать остался.

– Нет, нет, молчите! Они придут за вами! – мычал раненый, пытаясь встать, что ему отчасти удалось, но его прихватили расторопные санитары и прижали обратно.

Поразительно, какой неистовой силой обладал этот человек?! Максим осторожно измерил давление и пульс пациента. Оба показателя зашкаливали. Раненый испытывал прединсультное состояние. Его бы сдать в неврологию, но Маликов не озвучил здравую идею.

– Мы сами снизим давление, – снова прочитал мысли Глеб. – Аффективно-бредовой приступ. Документы в порядке. Ученый он, физик, числится в какой-то академической аббрекадабре. С ними такое часто случается! Не новость. У меня башка раскалывается! А у вас?

Сосредоточившись, Максим ощутил колкое защемление в затылке, а виски будто налились свинцом. Когда-то он мучился мигренью, но не придавал ей значения, редко принимал анальгетики, и пустил здоровье на самотек.

– Есть немного, – отрешенно ответил он.

– В той квартире тоже самое испытывал. Только вы не напрягайтесь зря! Это, как говорится, мой бред, – иронично предупредил Глеб и обратился к страдальцу: – Так ты убить себя хотел или пошутить?

– Хотел! Убью! Невыносимо! Невыносимо! – тараторил больной – Они придут за вами! Никогда не соглашайтесь на их условия! Никогда не соглашайтесь на их уловки! Цепная реакция запущена, но им не добиться результата. Ужас порождает насилие, и они заберут многих. Вам мало не покажется! Попытки закончатся крахом. Полное поражение...

– А вурдалаки? Демоны? Вы не выпивали сегодня?

– Демоны... Они и есть демоны... Мои каратели... Демоны в человеческом облики, – сокрушительно повторял несчастный. От перенапряжения швы на животе могли лопнуть в любой момент, и он пролился бы лавой кишечного брожения и умер на сносках, подставляя заботливых врачей.

Глеб подал знак. Санитары вкололи помешанному в бедро лошадиную дозу транквилизатора. Оба доктора чувствовали себя неудобно. Тут как тут подкатила полиция, и показались репортеры, фотографируя бедолагу, и выслушивая бессвязные реплики, пока его грузили в машину. Информации хватит, чтобы сделать дядьку героем утренних новостей.

Маликов уклонился от интервью, спрятавшись в скорой, а Глеб охотно прокомментировал инцидент, важно жестикулируя указательным пальцем. Энтузиазм репортеров быстро угас, и они укатили прочь так же внезапно, как и появились.

– Вот настоящие демоны, – довольно заметил Глеб. – Никакого от них спасения! Согласны, док? А первого клиента, между прочим, приняли на ура. Доставили его согласно прописке. Он, представляете, на удивление быстро пришел в себя. Не знаю, как это получилось, но никакого бреда в приемном покое он уже не нес, на вопросы отвечал правильно, и уже меня чуть не приняли за ненормального. Я попал под удар и подорвал репутацию, что привез к ним обычного дебошира. Долго объяснял, что произошло, и заставил больного вспомнить, что он тогда испытывал. Он не отрицал, что кукухой двинулся, и утверждал, что нуждается в психологической помощи, дескать, подавай ему психолога, желательно девушку, выпускницу МГУ. Где же ему такую найдут? Наивный! А лечиться в стационар отказался. Пришлось оформлять его по статье. Я наплел дежурному, что он склонен нарочно прятать симптоматику. Поверьте, внешне он был абсолютно нормален, спрашивал о жене, и совершенно не понимал, как мог так жестоко с ней поступить, собирался немедленно навестить ее, требовал отвезти к ней за наш счет. Мы тогда пошутили между строк, что, мол, рогатый он, застукал ее с хахалем, и тому подобное, но тему не развивали. Короче, вкололи ему снотворного и сопроводили в наблюдательную палату. Дальше я учтиво ретировался. Сознаюсь, я обычно быстрее сбегая, но уж больно тип интересный. И этот шутник на него похож. Только вычурная аутоагрессия смущает. Хорошо, что рядом никого не оказалось. Сейчас повезу его в другую больницу. В предыдущей попросили не беспокоить, а он по регистрации как раз подходит. Положу его в отделение суицидников. Будет на карандаше и на полном пансионе под неусыпным вниманием медсестер. Заполнит тесты, сдаст анализы, выпьет таблеточку, проспитесь и раскиснет в содеянном.

– Мда... странно, – отрешенно сказал Максим. – Разве сейчас обострение? Вроде не сезон?

– Верно. Только у нас всегда сезон. Кстати, прошлым летом была мода скакать голышом по центру, пугая прохожих. Это были забавные курьезы. Но те как на подбор наш проверенный контингент, а тут неизвестные господа, и если уж, между нами, не похожи они на психиатрических больных, совсем не похожи. От своих запах особый исходит. Сразу определяем членский билет, а эти – аномальные субъекты. Предполагаю, что наглолись они какой-то синтетической дури, и их вштырило не по детски, но это чисто мои теоретизирования. Вам, боюсь, они будут непонятны. Простите, не утомил?

– Нет, что вы! У вас увлекательная специальность, – искренне заключил Максим. – Романтика! А мы ремесленники, действуем строго по алгоритму. Делай раз, делай два. На автомате.

– Что вы?! Какая романтика?! – скривился доктор, – одно и то же, одно и то же. Приелось! Хочется зарыться в песок. Вы спасаете жизни в буквальном смысле, вы – герои, а мы реально демоны в человеческом облики, истуканы в белых халатах.

Глеб горько усмехнулся и опустил взгляд.

А ведь он так молод, подумал Максим, а уже превращается в циника, и блеска в глазах уже нет, а был ли он раньше, и будет ли в будущем, если он определяет суть ближнего одним немигающим взглядом, и даже читает мысли? Эх, не его эта стезя – психика. И вообще нужно быть аккуратнее в выражениях, а то этот разговорчивый эскулап и про него придумает небывалые. Наверняка уже поставил ему диагностическое клеймо и записал в свою клиентуру.

Наверняка.

– Семыч, едем?! – Димка торопил на базу.

Заметно похолодало. Звезды пропали. Заморосил дождь. Они доберутся до станции нарочито медленно. Их точно не потревожат, дав возможность перекурить. Два вызова сразу – предел. Пусть пашут другие, а им достаточно.

– Заболтался с вами, – отрапортовал доктор, – нужно этого выпендренника везти.

– Смотрите! Вон она! – проскрежетал застоявшийся зевака. – Узнаю номера!

Доктора обернулись на шоссе, но в презрительно ослепляющих огнях автострады ничего разглядеть не удалось.

– Они следили! Следили, чем кончится, – заключил прыщавый сопляк и надвинул кепку на лоб, словно для конспирации. – Менты?! Где же менты? Уже попрятались, падлы!

– Ерунда! Вы просто под впечатлением! – разумно объяснил Глеб. – Будет вам искать приключений! Они сами вас найдут. За вами тоже следят?

– Следят! – на полном серьезе выпалил шкет.

– И кто же?

– Предки и органы правопорядка, – выпалил паренек так серьезно и подобострастно, что обоих врачей после недоумения пробило на смех.

– Гуляй, сынок, – потрепал его по загривку Максим. – Поменьше паялься на дорогие тачки.

– Таких пока не угонял, – завистливо заметил проныра и прошмыгнул в толпу.

– Ох, хлыщ! – обронил Глеб и спохватился: – Все! Регламент! Будем прощаться! Знаете, иногда полезно пообщаться с коллегой, но не в три часа ночи.

– Аналогично, – просопел Максим, вытирая испачканный красными пятнами халат.

В дороге водитель надоедливо спрашивал, почему их сегодня тянуло на леваки? Максим ссылался на влияние планет и ошибки диспетчеров. Семыч достал из бардачка теплую газировку, но Максим отказался пить и предложил заехать в гипермаркет. Фельдшер слушал плеер и совершенно не собирался устраивать разбор полетов. Сложные переезды вымотали всю троицу. Заросший черными кудрями, Максим сопел, поглаживая загорелую шею, и представлял, как утром отчалит в родную гавань отсыпаться по-настоящему.

Семыч прибавил скорость, собираясь застать криминальную сагу на «НТВ». К станции подъехали без единого скрипа, чтобы лишний раз не светиться. Одна нужда – упасть на тахту и забыться. Максим проглотил пенталгин, спросив у сменщиков, нет ли сегодня магнитной бури? Дежуранты вяло отвечали, что его подозрения – сплошная хиромантия. Но когда Димка тоже попросил таблетку, Максим окончательно убедился, что магнитное влияние существует. Заварив пакетик чая с бергамотом, Максим распластался на кушетке, думая о встреченных чудаках и затейливом докторе.

Ростом он вымахал под метр девяносто. Сутулый и грузный, с выпяченным животом, вторым подбородком и расхлябанной походкой с еле заметной перемежающейся хромотой. Когда-то, до свадьбы, он усердно занимался в качалке и хвастался резными кубиками на прессе. Сейчас хвастаться уже нечем, кроме потрепанных бицепсов и массивной грудной клетки. Вид он имел серьезный и в тоже время вполне обыденный: пристальный и тяжелый взгляд с колючей щетиной, одутловатыми ямками под глазами, пухлыми щеками и чуть согнутым носом. Характером отличался противоречивым: то вспыльчивым, то подчеркнуто мягким, но легко раздражался по пустякам. Армейская служба и перенесенные вредности оставили неизгладимый отпечаток в психике. Но если внимательно присмотреться, если сбросить воинские опилки и проникнуть внутрь сквозь толстую кожу, то перед наблюдателем предстанет весьма тонкая и ранимая натура. Максим умел быстро адаптироваться в среде, где надо выглядел брутальным и хамоватым, а где-то воспитанным и интеллигентным, а в редкие моменты сентиментальным и трогательным. Он никогда специально не претворялся и мог быть разным, словно хамелеон, исключительно по наитию.

И сейчас в полусне он погружался в вечную молодость, воскрешая прочитанные учебники и вызубренные конспекты, научные кружки и пройденные олимпиады. Ворочаясь в неудобных позах, Максим пытался понять, на что намекал тот доктор в постановке диагноза, когда вещал о демонах, жутком страхе и дебюте заболевания. Боль по-прежнему не отпускала. Пенталгин не действовал. Половина упаковки за смену – перебор.

Расставшись с идеей разобраться в непознанном, Максим отвернулся к стенке, очутившись на знойных берегах Сан-Ремо в объятиях карнавальных волн, черноглазых танцовщиц, слабоалкогольных коктейлей и белоснежных альбатросов.

Глава вторая

Проснулся Максим от тошнотворного запаха, раздражавшего забитый нос. С шестилетнего возраста он страдал хроническим насморком, но это не помешало уловить аромат мусорной корзины, поставленной около его койки. Не успел он выразить ноту негодования, как появилась санитарка Тамара Павловна и забрала ведро, видя в нем мешок с подарками, а не скопище зловонных помоев.

К восьми часам в голове полегчало. Послышались заторможенные возгласы и братания. У вешалки появился угрюмый мужлан с рюкзаком за спиной – Пашка Фомин, недавно устроившийся сотрудник, холостяк и спорщик, любитель поиграть в покер или русский бильярд на мелочь, фанат английской премьер-лиги и лапшы «Доширак». С нескрываемым возмущением он уставился на Маликова, бросил рюкзак на подоконник и присел напротив, опершись на пуховую подушку.

Максим первый прервал молчание.

– Ты что-то припозднился.

– По набережной шатался. Гуляю, брожу, скитаюсь. Тут хоть развеяться можно от тоски. Свои люди, и пива выпить не запахло, а дома совсем тухляк.

По его трехдневной щетине и охриплому голосу Максим сделал вывод, что Фомин в выходные смотрел в бутылку. Он не был конченным алкоголиком, но выпить никогда не отказывался, и не так, чтобы часто, а сезонами, поэтому уже имел несколько выговоров от администрации и считался ведущим кандидатом на сокращение.

– Как дежурство? – спросил он невпопад.

– Так себе.

– Совсем?

– Ну, кроме парочки занимательных случаев.

– Знаю, – зевнул Фомин, – Семыч все уши прожужжал. Я тебя пытать не буду. Собирай свою котомку и канай отсюда. Сегодня я не в состоянии с кем-либо делиться своим богатым внутренним миром.

Максим изобразил понимающую ухмылку. Действительно, зачем тратить на всяких раздолбаев, когда проще свалить по своим делам, а их позарез нужно разгрести. На ум приходили сложные планы: выплатить накопившиеся долги, пересечься с бывшей женой и увидеть сына. Тут же он понял, что успел помириться с Ульяной, а с сыном общался на прошлой неделе, и не то чтобы помирился, и не то чтобы общался, но все-таки уделил ему несколько минут, подарил конструктор, а жене сказал пару ласковых и успел повздорить из-за пустяка.

Сильнее его волновало другое: как заключить мировую с Ларисой, последней боевой подругой, фельдшером с параллельной бригады, поэтому он не спешил уходить, ожидая ее появления. Надеялся, что она украдкой зайдет к нему, а он улыбнется и спросит, как она себя чувствует, и встретятся ли они ближайшим вечером?

Думы становились бесплодными, образовывая запутанные спирали. Максим вовсе не распутывал паутину, не стремился избавиться от нее и помчаться за клубком, чтобы тот привел к далекой и очень желанной цели. Он откладывал проблемы в задний карман, копил их, не ворошил больные места и боялся взглянуть в будущее, боялся принять решение и поставить точку, а где-то многоточие, или многое пересмотреть со стороны, дав понять себе и остальным, что он может все исправить, и сделает это обязательно, вот только нужно набраться духу. Он и не гнался за Ларисой и не силился поймать птицу счастья, не плыл по течению, а барахтался в болоте, и не переходил его вброд, застряв в раскосой коряге. Максим даже не упирался в нее, а лишь облакачивался, отдаваясь мутной глади.

От Фомина несло огуречным одеколоном и похмельным синдромом. Вредная Лариса не появлялась. Маликов устал ждать, достал из тумбочки вчерашнюю газету, раскрыл, полистал и выбросил, собрал вещи и вышел в коридор, завернув к водителям пожать руку Семычу, но тот уехал на очередной вызов. Он почти жил на подстанции, будто снимал здесь угол и специально не появлялся дома. Бошковитый Димка наоборот успел наострить лыжи.

Максим умылся под краном, вытер лицо салфеткой и обреченно побрел на остановку, собираясь заказать на ужин пиццу «четыре сыра» и записаться к стоматологу, чтобы замкнуть раскрошившуюся пломбу. Обитал он в Сокольниках. В гости никого не водил. Квартира досталась в наследство от покойной прабабушки, коренной москвички с дореволюционных лет, пережившей царя и советскую власть. Скончалась она от старости на девяносто пятом году в здравом рассудке, до смерти сама ухаживала за собой и вязала носки и жилеты, сидя на застекленном балконе. Последние годы она не бралась за спицы, а сидела в кресле-качалке и смиренным сфинксом смотрела на горизонт, за которым возводились высотки, пряча красное солнце. Ее сын, дед Максима, фронтовик и орденосец, герой обороны Москвы и Курской дуги майор Иван Федорович Маликов, дошедший без единого ранения до Берлина, отошел в мир иной в конце девяностых после третьего инсульта. Жена Нина не оплакивала его, а приняла смерть на удивление трезво, ведь она знала колоссальную цену жизни.

Максим запомнил деда как балагура и компанейщика. В чулане хранился баян, на котором дед наяривал на свадьбах и юбилеях, пока пальцы не отказались нажимать клавиши. Бабушка Нина раз в месяц протирала баян влажной тряпкой, точно он был неотъемлемой частью именных наград, хранившихся в запертном комоде.

Перед юбилеем победы бесценные ордена и медали пытались украсть домушники. Они пробрались в квартиру и разбили вдребезги антикварную посуду, раскидали белье и наволочки, но упертый комод так и не вскрыли. Так и ушли почти ни с чем, прихватив скромную пенсию (по настоянию дочери бабка держала деньги в «Сбербанке»).

От бабушки Нины остался ее портрет работы неизвестного художника, черно-белые фотографии и золотые кольца. Драгоценные вещи перенесла к себе ее внучка, старшая сестра Максима Галина, чтившая бабушку как икону, проводив с ней каникулы и делая домашние задания за ее лакированным столом из красного дерева.

Мать Максима на пенсии перебралась в область, обустроив домик в дачном хозяйстве. Отец пропал без вести, когда Максиму исполнилось десять лет. Мать утверждала, что папа отправился в безымянную экспедицию покорять снежные вершины. Он действительно занимался альпинизмом и по легенде пропал в снегах Гималаев, а в реальности это были уральские горы, не менее суровые и опасные. Для впечатлительного мальчика отец остался легендой как в романе Каверина. Максим часто ставил себя на его место и мечтал когда-нибудь отправиться по затерянным следам или стать летчиком и отыскать его зимовку, заброшенную хижину между ледяными скалами с замерзшими телами, застрявшими в вечной мерзлоте.

У метро на раскладке Маликов купил диск с хитами прошедшего фестиваля «Нашествие», балдея от группы «Пикник» и Кипелова. В синематографе он предпочитал французские комедии и бессмертное творчество Балабанова. Золотой осенью ему стукнет сорок – юбилей, который не отмечают. За четыре десятилетия он многое успел повидать, пройдя предательскую войну, вкалывая на МЧС и «Красный крест» в далеких гуманистических путешествиях.

Спускаясь по эскалатору, он по-прежнему разбирал вчерашние передрыги с порезанной женщиной и сумасшедшим в парке, в сотый раз перепроверяя свои действия. Со школьной скамьи Максим отличался повышенной мнительностью, многое перепроверял, чрезмерно сомневался, переспрашивал и колебался, но когда принимал решение, то выполнял его безукоризненно. За здоровье пострадавших он не беспокоился. Бывали случаи и сложнее.

Родная сестра была умнее и дальновиднее. Учились они на одном потоке, только Галина была старостой и отличницей, а Максим грыз гранит с переменным успехом, лишь изредка удивляя пятеркой по сложным предметам. Он увлекался анатомией и посещал хирургический кружок, а сестру захватила фундаментальная наука с теоретическими дисциплинами. Заботливая Галина помогала, подсказывала и выручала, а он благодарил, гордился и знал, что из нее получится прогрессивный ученый, а он к науке равнодушен, его интересует исключительно практика, то есть конкретная помощь людям. После шестого курса он поступил в интернатуру по общей хирургии в институт Вишневого, заключив контракт с министерством обороны с обязательной отработкой. Получив вольную после длительной командировки на Северный Кавказ, Максим вернулся на гражданку и устроился в стационар Пироговского центра, а через три года на фоне профессиональных неудач и кризиса «девяностых» переквалифицировался во «врача общей практики». Сестра закончила аспирантуру и защитилась, оставшись преподавать в университете. Она упрекала брата за отсутствие академичности, а он отмахивался и предлагал бросить «не женское дело» и найти себе достойного жениха. Сестра тушевалась и замолкала, а в тоскливых моментах чуть слышно плакала, свыкаясь с перспективой остаться старой девой. Она завидовала его жене и пыталась общаться с любимым племянником, вызывая скрытую неприязнь Ульяны, но ухитрялась поддерживать с ней мирные отношения, даже находя общий язык, что было совсем не сложно, так как Ульяна училась с ней в параллельной группе. Именно сестра и познакомила ее с будущим мужем.

Студенческий брак свершился на третьем курсе и продлился до выпускного вечера после вручения дипломов, когда неопытные супруги поняли, что они совершенно разные. Максим не может удовлетворить ее амбиции, а их ребенок, разумеется, не ошибка, а чудо, которое останется с матерью. После развода Максим с огромным трудом уговорил ее разрешить видеться с сыном. Переживая накопленные обиды, она хотела забрать его насовсем и оградить от дурного влияния папаши. Она укоряла его в отсутствии воспитания, в том, что он постоянно сидит в больнице и не вкладывается в семью. Ради стабильного заработка Ульяна оставила медицину и устроилась в страховую компанию, ощутив значительный подъем по социальной лестнице.

«Не хочу, чтобы Женька походил на тебя! – упорно повторяла Ульяна, цокая каблуками. – Он унаследует только плохие качества. Ты холоден, ведешь себя как бирюк, от тебя я получала ничтожно мало тепла, и сейчас я делаю все возможное, чтобы Женька стал маменькиным сын-

ком. Ты ничего не смыслишь в воспитании. Наш брак – среднестатистический ляпсус, который получилось исправить. Раньше нам было хорошо вдвоем и интересно многое познавать вместе. Мы росли в тепличных условиях и не знали жизни. Мы не догадывались, сколько стоит хлеб, и как платить за квартиру. Ты не оправдал моих ожиданий. Тебе вообще нельзя создавать семью. Хирурги женятся только на работе».

Спорить с ней все равно, что учить козу анекдотам. Дальше накатывала волна критики в адрес его сестры и вычурная хвала за то, что она отказалась рожать. Пусть отдается познанию мира, ведь науке она по-настоящему предана, и ничто не отвлекает от главного. Сестра не догадывалась, что исследовательская деятельность – грандиозная мистификация. Ученые степени не приносят высоких благ, и лишь счастье материнства является для женщины высшим смыслом, и лишь познав его, можно ощутить истинное предназначение. Галине уже не удастся стать матерью. Возраст позволит, но не здоровье. Сестра замалчивала болезненную тему, напоминая о себе редкими звонками на праздники и день рождения Женьки.

Внешне сын точ-в-точь копия отца. В нем Максим узнавал себя. Свекровь презирала Ульяну за разрыв, но не озвучивала претензии вслух, иначе внук не отправится к ней на летних каникулах. Мир держался на шатком компромиссе, сломить который могло одно неосторожное слово.

...Переступив порог квартиры с коммунальными платежками, он положил бумажки на тумбочку и выронил ключи. Хрустя позвонками, стянул ботинки, забросил в стиральную машину носки, вымыл руки жидким мылом, выпил воды из графина и плюхнулся на кровать, забыв про пельмени и пряники. Он даже не храпел, переворачиваясь с боку на бок, лишь когда затекали ноги, и щемило в пояснице.

В утомленный мозг прокрадывалось отсутствие перспективы. Казалось, он слишком мало достиг в свои годы. Что теперь маячит на горизонте? – весьма спорный вопрос, а полноценно жить хотелось сейчас. Наверно, так проявляется кризис среднего возраста. Без седины и бесов в штанах. Максим отдавал себе отчет, что совершенно не ищет развития, а привык час за часом сидеть и ждать у моря погоды. Пуская жизнь на самотек, он забыл, что такое усилие воли. Как приручить ее и приспособиться к текущим обстоятельствам, он не знал. Вроде бы ничего плохого не намечалось: стабильный заработок, выплаченные кредиты, сын в пешей доступности, свобода, отсутствие обязательств и верная любовница на подхвате. Он не испытывал угрызений совести и беспричинных страхов, последний раз наделав в штаны перед майскими праздниками, когда по ошибке ему позвонил коллектор.

В любовных коллизиях он предельно запутался. Иногда собирался вернуть покинутую супругу, улавливая наличие непререкаемой ненависти, а иногда даже надеялся, что еще ее любит, а может быть, любит и она. В водовороте сомнений он чуть не набирал ее номер, чтобы взорваться в приступе мучительной ностальгии. Сиюминутное заблуждение проходило бесследно, когда он понимал, как с ней сложно, как нереально донести элементарные вещи.

С подругой происходили вовсе занимательные метаморфозы. Не было любви, и не было страсти, а только житейская дружба, основанная на физике, легкой симпатии и городском одиночестве. Максим не собирался подолгу копаться в душевных невзгодах и мучиться проблемой выбора, предпочитая привычно существовать, разумно полагая, что всерьез нужно переживать только о Женьке, забывающего образ настоящего папы.

Так нельзя! – рассуждал он. Так неправильно! У ребенка должен быть отец! Но что предпринять, когда Ульяна настроена против, когда бесконечные смены не оставляют свободного времени, когда проще сослаться на занятость, чем сказать «Прости!» и обнять сына, прошептать: «Я рядом!» Сжать его пальцы в кулак и прислонить к своей черствой ладони. Рано или поздно придется пойти ва-банк, а пока война с бывшей отложена в долгий ящик, спрятанный на необитаемом острове личной жизни.

...После короткой передышки наступило следующее дежурство. Нагруженный контейнерами со свежими бутербродами с ветчиной в дряблой спортивной сумке, Максим появился на проходной раньше положенного регламента, успев застать выжатых как лимоны сменщиков.

Переодевшись, он расположился на кушетке с чашечкой кофе со сливками. Сегодня он обязательно поймает Ларису. Ждал ее около часа, листал журналы и не успевшие пожелтеть газеты, до дыр просмотренные личным составом станции.

Фомин задержался на вызове, приехав злой как собака, поставил на стол рюкзак, вытащил мусор и пустые пластиковые бутылки, вытирая потные волосы, и спросил:

– Опять ты?!

– Осмелюсь спросить, как прошли сутки? – ехидно выдавил Максим, опустив газету.

– Никак! Пошло оно все! Зарплата в конце недели – единственная положительная новость, а остальное меня не волнует. Извини, погребу скорее до хаты. В холодильнике колбаса осталась. Доешь, пока не испортилась, и кефир. Пей, не отравишься! Выбросить жалко. Его все равно сожрут, но хочется, чтобы хорошему человеку досталось.

– По-твоему, я тот самый хороший человек? – удивился Максим. – Вот так новость.

– Не санитарам же оставлять? Закрыли тему, лады? – говорил Фомин заплетающимся языком, натягивая лужковскую кепку.

Он выглядел как сдвинутый шарик, будто таскал кирпичи, изображая трезвого грузчика, а полулунные синяки под глазами выдавали хронический недосып.

Максим уже неделю не мог, как следует, выспаться. Горстями глотал просроченный феназепам и пытался замереть в одном положении, поджав под себя колени, но становилось невыносимо жарко. Затекаящая спина чесалась кожной шелухой и салом, отчего приходилось вставать и вытираться полотенцем.

Максим завидовал Димке. Тот дрыхнул, как сурок, и даже из семидесяти оружейных залпов не разбудить прохвоста. Вечный засоня тусит в угарных гулянках, а на подстанцию является отсыпаться, ходит как сонная муха и ни хрена не делает: не в состоянии ни ампулу разбить, ни шприц набрать, не говоря о том, чтобы правильно вколоть иглу. Устроился на оклад и почивает на лаврах, но никто пока жалобы не писал, посему нагелл Димка без зазрения совести.

– Бывай, – промямлил Фомин и ушел, уткнувшись в мобильник.

Маликов кивнул и поправил подушку. Скрипнула дверь. В ординаторскую вошла Лариса, свежая и радушная, пахнущая ароматом магнолии и брусники.

Максим всколыхнулся, стряхнул с себя крошки и поправил взбившиеся в ком волосы. Лариса улыбнулась и поцеловала его в щеку, позволив себе наклониться, прежде чем он успел встать.

– Привет! Давно не виделись. Ты в седьмой бригаде сегодня?

– Как обычно, – прозвучала Лариса, разглядывая в зеркале макияж.

Выглядела она слишком молодо и слишком легкомысленно: среднего роста, с туфлями на высокой платформе, подтянутая и спортивная. По выходным она занималась гимнастикой и бегала трусцой в парке «Лосиный остров». Она без забот управлялась со служебными обязанностями, будто работа вовсе не в тягость, а как развлечение или приятное хобби. Максим жадно крал ее оптимизм. Ее по праву считали самой лучезарной девушкой подстанции. К ней стекались остальные сотрудницы, чтобы подзарядиться энергией как от солнечной батареи. Лариса была солнышком, но солнышком капризным и местами весьма обжигающим.

– А я скоро ухожу в отпуск, – похвасталась она, застегивая халат. – Надоело дышать выхлопными газами. Хочется перемен. Думаю, как бы отдохнуть с пользой. Не подкинешь вариантов?

– В отпуск? – не понял намека Максим. – Мы же договаривались написать заявление вместе. Ты обманула меня?

– А что такого?

– Мы же хотели вдвоем махнуть куда-нибудь.

– Когда? – раздражалась Лариса. – Я ждала тебя целый год. Верила, что ты адекватный, но вместо отпуска ты выклянчил дополнительные смены и отказался от выходных. Отпуск! Я прожду лет пять, когда ты соизволишь что-нибудь предпринять. Если я сейчас не уйду, то придется ждать полгода, а зимой, знаешь ли, не очень прикольно топтать в сапогах по ледяным улицам и сугробам. Ты никогда не входил в мое положение, а я устала входить в твое. В общем, как знаешь, а я уезжаю. Мы собрались с девчонками на юг. Я скину тебе фотографии. Обзавидуешься.

– Так нельзя. Когда мы последний раз были вместе?

– Я забыла.

– Приходи сегодня ко мне?

– Хочешь вспомнить молодость?

– А что?! Домой ты приезжать отказываешься. Ты до сих пор дуешься?

– Определись, что тебе нужно! Жена? Ребенок? Я чувствую, что тебя к ним тянет, и ты никак не откажешься от соблазна, что в состоянии их вернуть. Мне надоело быть твоей прислугой и грелкой. Надоело ублажать тебя, когда ты в дурном настроении, когда тебе невтерпех. Я хочу нормального, уважительного отношения и гарантий. В конце концов, мне не семнадцать лет. Я хочу семью, а что ты можешь предложить? Койку и стакан портвейна?

Волна возмущения наполнила легкие. Почему она не понимает, что прошло слишком мало времени, что он пока не готов, а она бросает его в самый неподходящий момент. Это предательство! Сейчас бы высказать ей в лицо наболевшее, но Максим привык сдерживать внутри самые важные переживания. Думал он лучше, чем говорил.

– Сейчас, сейчас. Дай-ка сосредоточиться? Давно собирался тебе сказать...

– Ну, подумай, подумай снова полгода, год. Извини, мне пора! Оревуар, дружок! – Лариса развернулась и громко хлопнула дверью. Максим выдохнул и открыл холодильник, обнаружив припасенную Фоминым заготовку: кефир и копченая колбаса. Чтобы заесть боль, он устроил сабантуй, опустошив чужие закрома. Кефир оказался прокисшим, а колбаса отвратительно пахла, но на вкус оставалась годной.

Полдня Максим прибывал в сокрушительном трансе. За смену он спас трех стариков от инфаркта и гипертонического криза, двоих оставил на домашнем лечении, а третьего доставил в Боткинскую. Не обошлось и без ложных выездов, почему-то очень забавлявших Симыча. Матерясь, он рассказывал бравые истории, как в молодости с друзьями катался на колхозных грузовиках и воровал капусту с полей. После он ругал власти за рост цен на бензин, будто лично оплачивал свою тарантайку.

Испорченный кефир проявился ровно в полдень, когда удалось часок покимарить. Пять раз Максим упражнялся в тараканьих бегах до уборной, переводя туалетную бумагу. Врачи сочувствовали и предлагали залезть в аптечку. Лариса не показывалась, а Максим успел отвлечься от нее, борясь с медвежьей болезнью. Он проклинал Фомина, собираясь отомстить, подсыпав слабительного в кофе.

К вечеру Максим чувствовал себя сносно, шутил и хрустел печеньем, запивая колой.

– Не повезло, – корчились от смеха коллеги, – раз в год с каждым случается.

– Хорошо, что не в дороге. Там бы – труба.

– Ага, – неохотно соглашался Максим. – Прочистился без клизмы – полезно. Собственным нутром вышло. Только пью, никак не напьюсь.

– А если у тебя холера? – предположил плешивый медбрат в желтой жилетке с белым крестом на спине. – Накануне санэпиднадзор предупредил о завозе бацилл из Туркменистана. Двух азиатов упекли в инфекционку.

– Я по рынкам не хожу.

– И правильно, а то наложат карантин, а нас поместят в обсервацию. У нас же тут полный общак, а руки не моем.

– Мой – не мой, какая разница?! – выдавил коренастый фельдшер, отвлекшись от разгадывания кроссворда. – При нашей антисанитарии мы собрали полную коллекцию возбудителей. У нас толерантность ого-го! Ни одна зараза не возьмет. Проверено! Я иной раз специально на себе незамысловатые эксперименты ставлю – съем что-нибудь не то, выпью сырой воды, куплю шаурму черную-черную, подгорелую, с корейской морковкой, и все это употребляю, запивая молоком. И пока ни одного случая заражения. Ни одного! – гордо добавил он и вернулся к головоломке.

– А ты чем траванулся?

– Фомин скисшим кефиром напоил.

– Ого! На такой жаре микробы лихо размножаются. Пакет простоял на подоконнике.

– Гад! Что же ты раньше молчал?

– Так я думал, вылили это дерьмо.

– Не успели, – с досадой произнес Максим, пытаясь расслабиться.

Когда кишечник притих, Максим уже катался по вызовам. Димка непривычно молчал и грыз ногти, а Семыч проклинал пенсионную реформу и льготное кредитование, почему-то рассуждая об ипотеке, которая никому из них не светила. Максим уверовал Симыча, что у него и так с жильем порядок, разве что Димке есть смысл напрячься, но тот хмурился, и когда обглодал ноготь на большом пальце, спросил, есть ли особые условия для молодых трутней, на что получил невразумительный ответ про накопительный капитал и сомнительные перспективы.

Выпив минералки, Максим слушал «Авторадио» и наслаждался освежающим сквозняком. Неожиданно прозвучал мобильник. Не разбирая дисплейную надпись, Максим ответил, долго переспрашивая собеседника, пока не понял, с кем разговаривает.

Звонил знакомый доктор с прошедшего дежурства. Он сильно заикался, отрывисто дышал и напряженно спрашивал, все ли у него в порядке? Максим беззаботно отвечал, сдерживая отрывку, не понимая, что ему понадобилось в три часа ночи?

Официально представившись Глебом Леонидовичем Коромысловым, психиатр предложил встретиться, так как есть повод исключительной важности, имеющий отношение к ним обоим. В тоже время он подчеркивал, что ничего катастрофического не произошло, и пообещал поделиться полезными новостями про своих пациентов.

Маликов помнил прошедшие события с доскональной точностью. Договорились перебраться в «Парке Горького». Рвение и нескрываемое беспокойство Глеба смущали, заставив переживать, не случилось ли чего плохого? После звонка совсем не спалось. Мерещились звездочки, и ныла спина. В комнату то и дело заглядывали посторонние, включали свет и будили соседей.

Ощувив прилив невыносимой тоски, Максим решил отправиться на разведку, чтобы найти Ларису. Гордость растворилась в неудовлетворенности. Он почистил зубы, выпил третью бутылку минералки и прошелся по тускло освещенному коридору, остановившись у женской раздевалки, боясь постучаться. Дождлся шороха за стеной, и перед ним предстала косматая тетка со свисающим на груди стетоскопом – Люда Батракова, ветеран службы спасения.

– А Лариски нет. Не приезжала пока, – сердито произнесла она.

– Давно в пути? – растерялся Максим от ее проницательности.

– Часа три. Зайди, другие девчонки тоже пропадают.

– Нет уж, я свою фронтową любовь дождусь.

– А нам она твердила, что ты ей совершенно не интересуешься. Слушай, Максим Сергеевич! Я, конечно, уважаю тебя как специалиста, но зачем девке мозги пудрить? Держишь ее при себе как уличную шавку, а она уж и давать тебе перестала. Определись! Бедняжка извелась вся. Плохо ей, понимаешь, плохо. Ты же мужчина, или кто? Взрослый, а ведешь себя, как

малолетка. Извини, дорогой, не мое дело нотации читать, но это между нами. Ты мой должник, не забыл?

– Знаю, – удрученно сказал Маликов.

Люда выручала его много раз, когда он только перевелся сюда из стационара. Фактически она была его наставником, а он способным учеником. Проводя ее благодарным взглядом, он постоял минуту-другую, потянулся, присел на корточки и проделал несколько гимнастических упражнений.

Устав ждать, он вышел на крыльцо и закурил, нервно отметив, как накануне собирался бросить и даже продержался недели две, но спонтанная слабость одержала победу.

На улице стояла немая благодать. Небо подкрашивал разбитый фонарь, приманивая мошкар. На шею садились приставучие комары, заставляя отмахиваться и стряхивать пепел.

Из темноты показалась скорая. Под сердцем йокнуло, и пальцы машинально выбросили окурок. С автостоянки показалась Лариса, раздраженная и уставшая. Максим поднял руку и крикнул что-то нелепое. Лариса проигнорировала его и грузной походкой прошла мимо сдавать отчет. Маликов стыдливо поплелся сзади. Лариса не оборачивалась и только кокетливо виляла бедрами, маня за собой.

У диспетчерской Лариса остановилась:

– Март позади, а котам не спится?

– Я сегодня болею, – жалобно проскрипел Максим.

– Воспалением хитрости?

– Фомин отравил. Он пытается меня выжить и пакостит: то обувь спрячет, то подставит на планерке, а теперь тухлым кефиром напоил. Ведь я вовсе не злопамятный, и обиды обычно не держу, но и на старуху бывает проруха. Ничего криминального не сделаю, но он поплатится, ох, как поплатится.

– Зачем мне это знать? – спросила Лариса, всем видом показывая, как он ей надоел, но ее глаза выдавали беспросветную грусть.

– А кому открыться? Меня слушать никто не станет. Симиыч спит, а Димка дурак, и не жаловаться же младшим по званию. Ты понимающая, только зря сердишься. Ты же добрая. Напой меня чаем?

– Обнаглел! Я только вернулась, – всколыхнулась Лариса. – Ладно, раз ты больной. Сам виноват. Когда ты поймешь, что продукты здесь к утру несъедобны?

– Удружила! – воспрянул Максим. – Я тебе новость сообщу. Пересекся тут накануне с чокнутым психиатром. Да, да, серьезно! Наткнулся на него на вызовах аж два раза. Двоих алкашей вместе скрутили. А сейчас он звонит мне взбалмошный и предлагает встретиться. Я согласился. Наверно, про тех алкашей что-то добавить хочет.

– Ты бы с ним осторожнее, а то и тебя положит на вязки. Ты же совсем дисциплину не соблюдаешь. Бродишь вокруг подстанции, сотрудников пугаешь и Фомину угрожаешь. Не в своем уме, раз Фомина во всех бедах винишь.

– Ларис! Не смешно.

– Делай, что хочешь. Чаем напою, и проваливай. Последний раз с тобой связываюсь.

Пересказывая недавний случай, Маликов налегал на кипяток, покрывшись испариной. Лариса терпеливо слушала, а он гладил ее колени, сжимал пальцы и осторожно отпускал. В комнате бурчали недовольные женщины, но Максим не торопился уходить, выжидая удобный момент, чтобы остаться с Ларисой наедине, а она достала с полки свежее полотенце и указала ему на выход.

Вернувшись в мужскую комнату, Максим сосредоточился на перспективе их отношений. Вдруг хлопнул в ладоши и вышел, держась за спину. Он добрался до душевых, слыша плеск воды, повесил на крючок халат, постучал в единственно занятую кабину и, не дожидаясь ответа, протиснулся к ней. Защелка скрыла их присутствие. Две тени слились в одну, плавно

перекачиваясь по кругу. Возвращались вместе мокрые, обреченные, но довольные, успев претвориться невинными ангелочками. Максим поцеловал ее в губы и отправился на крыльцо покурить.

В его отсутствие в ординаторской собралась половина смены. Мужики на кроватях резались в карты и шахматы. Медбрат Витек предложил присоединиться, но, получив отказ, не отставал и подкалывал Маликова. Компания собралась упертая, даже хмельной диспетчер с шестой бригады приковылял, что уже чересчур.

– Сыграешь?

– Отстаньте! – злился Максим. – Завязывайте?! Устроили мировой чемпионат, понимаешь!

– Поздно спохватился. Доиграем и разбежимся.

– А мне как быть? Только собирался прилечь. Вам, бездельникам, по барабану.

Коллеги заметно напряглись и почти обиделись, если бы Максим не сгладил обстановку, сославшись на свои тараканы. Он забрался на топчан, представив, как было приятно ощутить упругое тело Ларисы, как он впивался в ее гладкую кожу, глотая капли, погружался в ее аппетитные ямочки, прижимая к стеклу, и как их обливало горячим фонтаном. Им обязательно удастся повторить близость. Он воздерживался целых четырнадцать дней, поставив своеобразный рекорд. Однако, по ее поведению Лариса не очень-то и хотела. Держалась пассивно, не чувствовалось былой страсти, но о какой страсти идет речь, когда их связь превратилась в рутину. Минутные объятия в душе украдкой – лишь подтверждение общего правила, но две недели без любви – слишком много, ведь он сейчас в большом городе, где полно одиноких женщин, а не в аскетичном паломничестве на горе Фудзияма.

Послевкусие портили недовольное кряканье и сиплый кашель. Мужики все-таки разошлись после четырех партий, забыв на столе шахматы – ветхую рухлядь, наследие перестройки. На поле не хватало трех пешек, короля и ферзя. Для порядка Максим расставил фигуры по местам. От шумной компании остался мусор и пивные бутылки.

Он так и не сомкнул глаз. Когда в ординаторскую заглянул случайный врач, Максим отыскал потрепанную колоду и уговорил его сразиться на щелбаны. Он упорно проигрывал и получал увесистые тычки, что не мешало лихо тасовать карты и изображать шулера.

Когда врачу надоело побеждать, Максим признал поражение и предложил насладиться рассветом. В мыслях промелькнула Лариса, на этот раз мимолетно, как совсем чужая женщина, цинично удовлетворившая его похоть, отчего ему стало стыдно и горько.

Глава третья

Запутавшись в указателях, Маликов стыдливо опаздывал на встречу в «Парк Горького», когда Коромыслов в солнцезащитных очках уже ждал его у набережной напротив причала, боязливо озираясь на прохожих, выглядев значительно выше и осанистей. Максим не узнал бы его в толпе без опознавательного халата. Глеб смотрел на него подчеркнуто осторожно, будто проверяя на вшивость.

Поздоровавшись, они пошли вдоль реки, провожая проплывающие теплоходы с туристами. Мимо катались подростки на велосипедах и скейтбордах, обнимались влюбленные парочки и жевали сладкую вату карапузы с родителями. Ритм ходьбы заводил Глеб. Плохо скрываемое волнение доктора передавалось Максиму с каждой секундой прогулки.

– Рад встрече, – добродушно сказал Максим, – не ожидал увидеть вас так скоро. Сегодня вы выглядите иначе. Почти как шпион. Есть повод для конспирации?

Коромыслов в сотый раз обернулся.

– И вы не тот спасатель с фонендоскопом. Нам свойственно меняться. На работе одни, а в жизни другие. Давно известная истина. Ну-с, Максим Сергеевич, я предлагаю присесть в непримечательном месте, заказать кофе и обмозговать кое-что. Я, знаете ли, не привык обсуж-

дать что-либо стоя. Ходьба сбивает с правильных мыслей, а их накопилось достаточно, чтобы потерять ненароком. Вам будет любопытно о них услышать.

Согласившись, Максим поторопил собеседника, охваченный предвкушением впечатляющих историй. По его довольно миролюбивому виду он рассчитывал, что Глеб сообщит что-то стоящее, скорее всего, расскажет известные байки о тяготах профессии, в худшем случае, пригласит свидетелем на свадьбу или почетным гостем на день рождения, если конечно, он собирается жениться или отмечать юбилей. Тут же посмеявшись над собой, Максим отбросил гадания на кофейной гуще, отказавшись от бредовых фантазий.

Расположились они на открытой веранде в тени деревьев за пестрым двориком парковых ресторанчиков. Коромыслов не снимал очки, что напрягало Максима. Он желал увидеть его глаза, поймать взгляд и многое для себя понять. Он не считал себя проницательным человеком и, тем более, никогда не называл хорошим психологом, но вполне научился определять общий настрой собеседника, искренность или ложь по широте зрачков и движению глазных яблок. Глеб словно изучал его, заставляя смущаться и не забывать, с кем он сидит тет-а-тет.

Максим пытался вести себя непринужденно.

– Я немного удивлен вашим ночным звонком. Предположил, что случилось что-то срочное. Но, судя по тому, что вы до сих пор молчите, дела относительно в порядке?

– Да, относительно, – согласился Глеб, заметно нервничая. – Не знаю, с чего начать. Конечно, вы не забыли наше экзотическое знакомство. Так вот, тогда я отвез первого психотика в больницу на Преображенке, а суицидника, который по моим наблюдениям, тоже галлюцинировал, в психосоматическое отделение Пироговки. Их приняли со скрипом, не поблагодарив за беспокойство, а через день я узнал, что оба они пропали. Об этом сообщил знакомый дежурный врач, тоже заинтересовавшийся неординарными клиническими случаями. Я поразились их судьбе! Совпадение?! Вряд ли. Психотик называл себя Марком и успел наплести с три короба, что находится в смертельной опасности, что и вы слышали от него лично. Обычная песня, но сейчас я позволю себе вновь о ней упомянуть. Марк сообщил, что за ним организована слежка, или даже ведется охота, он испытывает неподконтрольные приступы паники, «взрывы мозга», как он их назвал. «Взрывы» то усиливаются, то ослабевают. Вроде бы банальный бред, если бы не стройность и полная адекватность оценки происходящего – это я понял задним умом, проанализировав ситуацию. Марк уверял, что его должны убить, или он сам должен убить себя не по своей воле. Чья-то сила завладеет его рассудком и приведет к аутоагрессивному акту, как будто он зазомбирован, как будто на нем испытали неизвестное официальной науке вещество или дистанционное воздействие. Из неофициальных источников я слышал про разработки психотронного оружия, но не относился к этому серьезно. Далее я собрал информацию, покопавшись в сети, и много чего обнаружил. Человечество давно бьется над созданием микроволновых оптических лазеров и рентгеновских установок. Свч-диапазон, инфра- и ультразвук, высокочастотные магнитные поля, оптические лазеры, лептонные излучатели и микроволновые установки – применяются для воздействия на психику масс. Но пока вернусь к нашим баранам. Поразительно, но второй пациент излагал аналогичный бредовой сюжет. Своими словами, но общий мотив оставался прежним. Они оба были связаны невидимой нитью. Разумеется, они не были знакомы, но будто вышли из одного учебного заведения, будто лежали в одной палате и успели обменяться симптомами. Вам должно быть это знакомо.

– Да, знакомо, – небрежно сказал Максим. – Но как они исчезли из больницы без следа? Там же санитары, охрана, замки, разве не так? А ваши домыслы по поводу психотронного оружия отдают научной фантастикой. Конечно, я не отрицаю его существование, однако зачем применять опасные методы на городских улицах, где мир и порядок? Меня больше волнует факт их исчезновения.

– Фантастика или реальность – не буду судить. Коллега пояснил, что по отчету персонала ночью Марк часто ходил в туалет, ведь ему никто не запрещал справлять нужду. После

полуночи он держался подозрительно спокойно, и не было необходимости в фиксации. Он прошелся по коридору, спросив медсестру, когда его отпустят, а услышав невразумительный ответ, вернулся в палату и лег на койку. Дальше возникает слепое пятно. А на обходе его уже не нашли. Позднее санитары обнаружили пропажу ключей от выхода. Он слинял! И скажу вам сразу: его бездыханное тело обнаружили вечером в том же районе во дворе жилого дома около мусорного контейнера. Он был мертв! Но без следов насильственной смерти! Сейчас труп отвезли на вскрытие. Возможно, патологоанатом объяснит морфологию загадочной кончины.

– Мда, не логично, – кивнул Максим, – а что со вторым подопечным?

– Представьте себе, испарился похожим образом, и даже без ключей, точно сквозь стену прошел. Его пока не нашли. Ставлю пять косарей, что он приведет свой план в исполнение. Его найдут, если повезет, в канализации, на чердаке сталинской высотки или в песочнице. Вопрос лишь в том, когда это случится. Простите, разыгралось больное воображение...

– Ну, собственно, пациенты иногда умирают, вам ли не знать? – рассудительно произнес Маликов, отрицая странность истории.

– Естественно! Но чтоб сразу два однотипных случая?! Конечно, в приступе возбуждения больные готовы прыгать из окон. В буйстве их не остановить! Они отталкивают персонал, рвут веревки, несутся прочь, обладая громадной силой, но это происходит на виду, а здесь есть налет парадокса, и многое совершенно не укладывается в формальную логику. Мы пытаемся объяснить факты, создать стройную систему аргументов, и откровенно пасуем. Таким образом, несчастный Марк и самоубийца Филипп доказывали мне, что пытались скрыться от неких разработчиков дистанционного влияния на их разум. Я успел выяснить, что Марк по специальности биофизик, возможно, завербованный ученый. А Филипп подопытный экземпляр: наивен и молод. Возможно, на нем и сейчас ведутся опыты по овладению сознанием.

– Мы вольны строить любые догадки, – сухо сказал Максим. – Ваша история занимательна, но в сущности – это их проблемы. Мало ли кто участвует в каких-то экспериментах? Есть добровольцы, информированное согласие, и так далее. Возможно, они получали вознаграждение, но что-то вышло из-под контроля, проявился побочный эффект. Правда окажется прозаичной, уверяю вас! Вы любите покопаться в чужих судьбах ради обретения истины? Издержки профессии. Я же смотрю на вещи более критично, и пока сам не убеждаюсь в фактах, которые вижу собственными глазами, то не верю слухам и домыслам.

– И я не верю! – возмутился Коромыслов. – Я не конченный фантазер, как вы могли напрасно подумать! Извините, я посчитал нужным рассказать это, потому что вы были тогда со мной. Филипп, Марк и даже свидетели упоминали о слежке, черной машине. Так вот и я заметил, пожалуйста, дослушайте до конца, словно и за мной следят. Звучит глупо! Понимаю, что вызываю у вас иронию, и вы думаете, что я свихнулся? Бога ради, но я всего лишь хочу предупредить: нам обоим следует быть осторожнее! Видите ли, я мог молчать и подавить любопытство, но я другой по натуре. Коллеги не поймут и покрутят у виска, того и гляди, поднимут на смех. Вам, как человеку непредвзятому и незашоренному психопатологией, я откроюсь. Я нутром чувствую, что иногда за мной наблюдают. Нет гарантии, что я ошибаюсь, но страх Марка и Филиппа передался мне. Надеюсь, это пройдет, я даже выпил лекарство. Поверьте, я слышался столько бредней за годы практики, но здесь есть некоторые отголоски правды. Тогда Филипп успел добавить, что и нам теперь угрожает опасность. Конкретно мне и вам.

– Почему? Нам-то каким боком? – недоумевал Максим, ища подвох и признаки розыгрыша.

– Теперь вы владеете информацией. Черные машины могут заинтересоваться вами.

– Чушь! – отмахнулся Максим. – Ну, хорошо, допустим, я буду на чеку. И вам не помешало бы взять отпуск, раз вы настолько перепугались. В конце концов, если вас привлекает эта тема, можно найти несчастную жену этого Марка, которую он так беспощадно искромсал.

– Я как раз хотел ее расспросить.

– Вы играете в детектива? – прищурился Максим.

– Увы! К сожалению, и она скончалась. Причина смерти пока не установлена. Свидетели исчезают один за одним. Тоже совпадение?! А отпуск у меня через две недели. Обязательно махну подальше из этого чертового городища. Вот, собственно, и все. Между прочим, вы тоже ангажированы?! Чувствую интерес! Я удовлетворил ваше любопытство, Максим Сергеевич? Не смею вас задерживать.

Капучино остыл и покрылся пенкой. Выждав паузу, Максим сделал два глубоких глотка. Он колебался, как поступить? Возникли вопросы, но грузить неадекватного доктора опасно для его же пошатнувшегося здоровья. Ажитированное волнение кололо грудь. Максим предложил держать друг друга в курсе, если появятся новые детали расследования.

– Я постараюсь получить посмертный эпикриз той женщины, – сказал Глеб, – и непременно вам сообщу, если хотите?

– Да, будьте так любезны, – манерно улыбнулся Максим. – Выпьем еще кофе? Вас не мучает жажда?

– Мучает. И головная боль.

– Беда не обошла нас обоих.

После второй чашки разыгрался аппетит. Заказали сэндвичи с ветчиной и корейскую морковь. Расходиться уже не спешили, словно выжидали подходящий момент, объединившись общей тайной. Максим сопротивлялся вступать в ряды одержимых, но Коромыслов сознательно опрокинул на него противень с пышными пирожками, которые придется съесть и переварить.

– Уверен, что психотронное оружие существует, – заявил Глеб, прожевывая сэндвич. – В этом сейчас мало кто сомневается! Если вы заглянете в сеть, то убедитесь лично. Вопрос лишь в том, насколько оно эффективно, и как оно действует. Уже после Первой мировой войны, особенно в нацистской Германии, велись секретные разработки. Далее исследования перекочевали за океан, и, конечно, Советский Союз не отставал от идеологических противников. И в Германии, и в Стране советов безнаказанно проводили антигуманные эксперименты. Например, испытания атомного оружия на закрытых полигонах. Сколько там набралось не подсчитанных жертв, знают только архивы НКВД. В Кремле есть засекреченные данные о жутких опытах в Белых столбах и тюремном отделении «Крестов». Карательная психиатрия Снежневского выполняла приказы вождей пролетариата. Сейчас модно говорить о психических вирусах – миниатюрные, но весьма вредные структуры, поражающие мозг. При их применении возможна целая эпидемия, позволяющая вывести человека из строя или превратить его в послушного зомби или, наоборот, сделать из Homo sapiens бесконтрольного животного с невыносимой тяжестью душевных терзаний. Великая паника завладеет сознанием. В таком состоянии человек способен на бессмысленные и агрессивные поступки. И ради чего? Ради самосохранения. А когда это самосохранение извращается, человек решается свести счеты с жизнью. В определенной степени – тоже самосохранение своей духовной основы, и освобождение от брэнного тела. Не судите строго, если я загрузил вас теорией? А практика, Максим Сергеевич, творится перед носом. Мы видим результаты экспериментов, удачные и не очень, но факты говорят нам прямо, что Марк и Филипп реально существовали, и от этого нельзя откреститься.

Терпеливо выслушав запутанный монолог, Максим не стал опровергать или развивать высказанные идеи, утомившись за проведенные полчаса в компании собеседника и без того вызывающего напряжение. Он попробовал перевести разговор на более приземленные вещи, спросив Коромыслова о его увлечениях, но ответы доктора как по маслу скатывались к прежней тематике, будто он не мог отвлечься от выбранного маршрута. Тогда Максим перехватил инициативу и поведал Глебу забавные истории из своей практики, объяснил, чем славится служба спасения, как он там оказался, и чем планирует заняться в будущем, хотя особых пла-

нов у него не водилось. В ближайший год он собирался уволиться и сменить место жительства, а сейчас его сильнее занимают проблемы взаимоотношения полов, сын, бывшая жена и боевая подруга, эдакий любовный треугольник, о котором он также осторожно упомянул.

– Отныне и вы знаете о моих тайнах, – облегченно сказал Максим. – Как бы вы поступили в моем случае? Когда вас разрывает на части, и вы не знаете, с кем остаться?

– Я не мастер давать советы, – сконфузился Коромыслов. – Себя–то никак не устрою, маюсь по свету, как одинокий парусник. Куда прибьет, там и дрейфую. Вам я бы посоветовал отстраниться и пустить проблему на самотек. Руководствуйтесь принципом великого Дао. Я так иногда делаю и замечаю, что некоторые трудности растворяются в небытии. Напрягаться, выкладываться до седьмого пота – лишняя трата энергии. Откровенно говоря, я пока не склонен к обременительным отношениям и веду себя как совершенно не серьезный тип. Но не разочаровывайтесь, мой друг. Позвольте, я вас так буду называть, как бы это официально не звучало? Я не сумасшедший и, поверьте, не заморожен в теории вселенского заговора. Я умею расслабляться, и чувством юмора тоже не обделен. Только эта байда выбила меня из колеи, поэтому я слегка нервный, но нервы постепенно улягутся. Ладно, я переживаю, потому что неврастеник и штатский, а Вы же в прошлом несли службу в горячих точках?

– Что есть, то есть, – подтвердил Маликов, отчетливо прокрутив в воображении пережитые эпизоды. – Как из прошлой жизни. Вроде было, а вроде и нет. Прошрое иногда замещается вымыслом, и уже точно не скажешь, что происходило на самом деле, а что придумано. Вам это лучше известно.

– Вы не промах, – оценил Коромыслов. – Когда представится случай, поведайте о своих приключениях, а сейчас мне пора идти, – он вновь принял шпионский облик. – Если что случится, я вам тут же сообщу, уж слишком дурная происходит котовасия. Я буду счастлив, если ситуация сведется к нелепым фантазиям двух чудаков. Готов с удовольствием сдатьсь в любимое отделение и пролежать два месяца под капельницами, даже соглашусь торкнуться электродами, только бы чувствовать себя как прежде.

– Вы хитрец! Впутали меня в свои домыслы, заключив дружественный пакт, и теперь я полноценный соучастник. А я, между прочим, не давал согласия. Мне не нужны никакие масонские тайны. Я приземленный и конченный материалист. Предпочитаю отрезать, пощупать, зашить, перевязать. И не хочу разбираться в кудесниках дистанционного воздействия. Теперь я будто чувствую ответственность перед вами и пропавшими пациентами.

– Не сердитесь, – Глеб поправил помятые брюки и затянул ремень. – Сейчас мне действительно полегчало. Я излил перед вами душу и очистился, а наступит момент, когда мы поменяемся местами.

Он завистливо оскалился, но защитные линзы не выдали истинной эмоции, а улыбка превратилась в кривую гримасу с прежней тревогой. Обменявшись слабым рукопожатием, Коромыслов попросил не провожать его и остаться в кафе. Значит, так надо для конспирации.

Максим терпеливо подождал пять минут, пока его силуэт не скрылся за бетонными ограждениями. Поднимаясь со стула, он увидел ловко оплаченный счет, убедившись в гипнотических способностях психиатра, будто он незаметно сумел ввести его в сомнамбулу. Оставив чаевые, Максим неприлично зевнул и проверил мобильник. Никто не писал и не звонил, пока они философствовали по поводу неведомого оружия и запретных экспериментов.

Очутившись за колоннами парка, он замер, уставившись на парковку. От обочины отъезжал черный тонированный внедорожник с блестящими зеркалами. Максим вздрогнул и тут же пристыдил себя за трусость и нелепое поведение.

«Черная машина колесит рядом, – иронично заметил он. – Если они прослушивали нас, то теперь владеют всей информацией. Неужели белокурая официантка – тайный агент дьявольских сил?».

Он обернулся, наткнувшись на нескончаемый поток посетителей, абсолютно не подозрительных и наивных. Хорошо, что он оставил щедрые чаевые, чтобы откупиться от преследования девчонки. Возникла идея позвонить Глебу и припугнуть черным воронком, но из-за того, что тот реально расстроен, Максим отказался подливать масла в огонь, и замаял тему, как бы ему не хотелось подколоть сумасбродного душеведа, так боявшегося возмездия.

В отличие от своего визави Максим привык к ожиданию смерти. Для него она составляла необходимую часть существования, он встречался с ней лицом к лицу, чувствовал ее дыхание, бегал с ней наперегонки, догоняя и даже опережая. Они связаны неразрывной цепью. Максим всерьез полагал, что научился договариваться с ней, чтобы отдалить собственный срок, играя в кошки-мышки.

Он вальяжно ковылял до ближайшего метро по Крымскому мосту, пока не позвонила Ульяна. Прислонив к щеке телефон, от неожиданности Маликов чуть не нырнул в реку. Бывшая жена собиралась улететь в Киев к матери навсегда. Пусть катится, куда хочет, но она угрожает забрать Женьку! Отец не позволит потерять сына!

Заикаясь и теряя самообладание, Максим уговорил ее встретиться, чтобы избежать неминуемой катастрофы. Через час он стоял у ее порога опустошенный и обреченный. Ульяна выглядела подчеркнуто благодушно.

– Ты же знаешь, что у меня новые отношения, – будто хвасталась она, не пуская его за порог. Скорее всего, вновь выйду замуж. Женька останется со мной. Ты не уделяешь ему должного внимания и себя не бережешь. Джозеф любит меня, я чувствую, он давно уговаривал перебраться на Украину. Чуть позже он планирует обосноваться в Брюсселе. Я долго сомневалась в нем. Из-за тебя я перестала доверять мужчинам. После стольких обманов и разочарований сложно снова поверить и пустить кого-то в свое сердце.

Ульяна выглядела счастливой. Загар из солярия и утонченный макияж омолаживали. Параллельно в ней проглядывалось сомнение в правильности выбора. Конечно, Максим в курсе, что за ней ухаживает иностранец из фармацевтической компании, куда она устроилась по его протекции. Ульяна сверх прагматична и думает прежде всего о выгоде и корысти, выставляя напоказ интересы сына, но что ей нужно на самом деле, Максим тоже знал.

– Ты уверена? – вспыхнул он. – Пожалуйста, не принимай поспешных решений! Для ребенка – стресс.

– По-твоему, я полная дура? Мы проживем в Киеве несколько месяцев у мамы. Женя привыкнет. Он умный и отважный мальчик, успеет подготовиться к переезду. В школе Женька посещает факультатив по английскому. Где лучше практиковаться языку как не в Европе?! Максим! Заботливый папаша! Какой пример ты подаешь сыну? Рванный халат и шрамы на шее? Между прочим, он уже тебя забывает.

– Я бы виделся с ним чаще, если бы ты не мешала.

– Правильно! Зачем чаще, когда ты привязываешь его к себе? Женя очень чувствительный.

– Я же отец!

– Отец! Какой пафос! Если бы ты был настоящим отцом, то не бросил бы нас, когда тебе приспичило податься на край света. Ты наплевал на нас в сложный момент, а сейчас хочешь показать, какой замечательный? Поздно! Отстань от нас и развлекайся со своей сучкой на скорой, но видно ты не готов на поступок, а она тоже что-то соображает. Мою беременность ты называл случайностью! Ты чуть не заставил меня избавиться от ребенка. Как вспомню, становится дурно.

– Бред?! Я никогда такого не говорил! – наливался желчью Максим. – Хочешь ехать – езжай, но тебе не отнять Женьку. Сын меня любит, и я ни за что не отдам его залетному отчиму. Служебный роман по обыкновению кончается плохо. Ты будешь в полной зависимости от него.

– Я забочусь о будущем своего ребенка и готова отдать себя в жертву ради его благополучия.

– Кому нужны твои жертвы?

– Молчи! Ты живешь как во сне, наплевав на себя и других. И ты ругаешь Джозефа, называешь его обманщиком и мошенником? А он обычный человек, только чуть способнее и удачливее многих. Он одинок, и я одинока, мы вполне подходим друг другу, а твои возражения гроша ломанного не стоят.

Что ей возразить? Железных аргументов нет. Ульяна упряма как ослица. Именно она и потащила его под венец, когда Максим был не готов. Он всегда уступал, и сейчас не сломил сопротивление. Упражняясь на операционном поле, он сохранял выдержку и точность, мгновенно принимая правильное решение, а в семейных коллизиях превращался в пассивного недоумка, почти подкаблучника, слабо отстаивая свои интересы.

К Джозефу он относился с завистью, граничащей с откровенной злобой. Видел его один раз, когда тот заехал за Ульяной в парк «Сокольники» и демонстративно посадил ее в дорогой автомобиль. Он выглядел приветливо, но его маленькие глазки и противные веснушки вперемежку с рыжей шевелюрой вызывали отвращение. Максим желал вдарить ему в переносицу и пустить кровь, а если он потеряет равновесие и упадет, добить армейскими сапогами, чтоб он понял степень его добродушия и гостеприимства. В реальности он бы никогда этого не сделал. Он не садист и не убийца, только хульные мысли не спрятать, но что толку, когда он капитулирует в пух и прах. Только Женьку терять он не собирался.

Сына он любил по-своему и гордился им, хвастался его успехами и доводил Ларису до срыва нудными разговорами, как ему нестерпимо хочется ежедневно гулять с ним на площадке, если бы не вечная занятость и препоны жены. Женька тоже скучал по папе, чувствуя, как на него похож. От матери ему достался лишь сложный характер и такой же выдающийся нос, совсем не как у отца – широкий, курносый, с еле заметной горбинкой.

По семейным преданиям далекий дядя Максима по отцовской линии служил в лермонтовских краях и вступил в незаконную связь с прекрасной черкесской. Спустя год у красавицы родились две дочери, через двадцать лет переехавшие с мужьями-казаками в среднюю полосу страны, подарив свою порцию крови роду Маликовых–Раскотных. Бабушка часто пересказывала похождения бравого предка, атамана Раскотного, и гордилась этой горбинкой и смуглостью кожи его потомков, хотя в третьем поколении смуглость исчезла, но последняя горбинка запечатлелась на лице Максима и его двоюродного брата, торговца кондиционерами из Ростова, любителя финской бани и чаги.

Ульяна настаивала, что сын в основном похож на нее и отчасти на ее прадеда, самодурного мещанина из Замоскворечья, от которого она унаследовала склочность и хабальство, на что Максим постоянно ей намекал, давая понять, как она достойна своих родственников, с чем жена соглашалась, совершенно не стыдившись дурной наследственности. Максим догадывался, что она специально пытается оградить Женьку от него и настроить против. Ульяна коварнее, чем кажется. Нельзя сдаваться и отпускать сына за кардон – равносильно главному поражению в жизни.

...Вечером он дозвонился до Женьки с анонимного номера. Услышав звонкий голос сына, Максим прослезился и не сдержал стон отчаяния. Проглотив слезы, он бегло спросил, как у него дела, и какие планы. Женька весело отвечал, что занятий хватает: футбол, игровая приставка, посиделки с деревенскими пацанами, грибы, ягоды и сад. Он скучает по городу, так как не приспособился к сельской местности.

– Мама сказала, что ты поедешь с ней за границу. Сам-то как к этому относишься? – осторожно спросил Максим, полагая, что сын не будет сдерживать недовольство.

– Это здорово! – резво ответил Женька. – Нас встретит дядя Джозеф, он обещал показать нас по Европе. Если выбирать между бабушкиной дачей и новыми странами – я за путе-

шествия. Пап, ты зря огорчаешься по этому поводу. Я буду писать тебе сообщения и, может быть, позвоню разок, когда мама уснет.

– Ну, понятно, – сдался Максим. – Раз ты определился, то отговаривать тебя бессмысленно. Я бы хотел тебя навестить, но, боюсь, твоя мама будет возражать. Обострять ситуацию не намерен. Только ты обязательно возвращайся.

– Постараюсь, пап.

Женька поспешно повесил трубку. Мука разлуки закралась в солнечное сплетение. Сын покидает его, и он в этом виноват, когда бесконечно пропадал на подстанции. Что останется в его памяти? Проведенные вместе редкие выходные, походы по педиатрам и лор-врачам, когда Женьке удаляли гланды и лечили нейродермит. Его считали часто болеющим ребенком, а Максим списывал причины простуд на мать, так как она плохо о нем заботится. Ульяна совершенно не умела следить за его питанием. Женька переболел диатезом и до семи лет сидел на строгой молочной диете.

Ульяна упрекала мужа в бесчувственности. Начитавшись психологической мишуры, она искренне верила, что именно от отца идет разлад в семье, а ребенок, как самое слабое звено, принимает удар на себя и реагирует единственно возможным образом – болезнью, бессознательно пытаясь помирить родителей. На ближайший период у него получалось, но когда раны заживали, и сын отправлялся в школу, родители снова отдалялись, и круг повторялся. Максим не верил в ее выдумки и согласился на лучший способ изменить ситуацию – развестись, потому как они с каждым годом все чаще скандалили и били посуду, и почти всегда их мирила теща, доказывая накопленной мудростью, что семейная брань – пустяк.

В тот же вечер Ульяна узнала про его секретный звонок, выразив бурю негодования. Нелепо оправдываясь, Максим словно погружался на дно. Она всегда права и одолеет любого в самом ожесточенном споре. Он прятался в пещере, закрываясь в холодный панцирь без окон и дверей, отсиживаясь внутри, пока не кончался воздух, а когда он высовывался за глотком кислорода, метать гром и молнии уже поздно.

Устроив яркий, но бездарный спектакль, Ульяна пообещала сменить номер сына и в последний раз попросила не трогать их, иначе они никогда не вернутся обратно. Максим даже не угрожал судебными разбирательствами, понимая, что бывшая вспыльчива, но отходчива, поэтому согласился принять условия, ведь ему не удастся повлиять на ситуацию. Женька навсегда останется его сыном. Отцовские права никто не отменит.

...Промучившись в безнадеге, он приехал на подстанцию в подавленном состоянии как жалкий котятра, затравленный шайкой жиродеров.

В затхлой раздевалке переодевался Фомин, треща по телефону с безымянным собутыльником. Максим не забыл о подставе, но мстить обидчику не собирался, потому что не успел составить план, но все же высказал шутнику пару ласковых.

– Спасибо за кефир. Ты вывел меня из строя до обеда. Теперь от тебя презентов не принимаю.

– А что не так? – невинно спросил Фомин с кислой миной.

Актер из него не важный, а если и играет кого, то единственную роль неудачника, вечно жалующегося на низкий оклад, неблагодарных больных и несправедливое мироустройство. Пашка не был революционером и не состоял в подпольных организациях, не посещал собрания «несогласных», не поддерживал движение «нацболов» и вообще не интересовался политикой, культивируя пофигизм. Такие люди будут вечно плакаться и ерзать на стуле, но поднять свой зад и сделать что-то полезное они не способны.

– Жаль, тебе глотнуть не оставил, а то бы оценил великолепный вкус простокваши.

– Извини, если не угодил, – издевательски заявил Фомин, натягивая джинсы. Надушившись дешевым одеколоном, он почесал под мышками и накинул шерстяной свитер. – А я хотел

тебя и сегодня угостить вкусняшкой, но раз ты неблагодарная скотина, то не буду подкармливать.

– Пошел ты! – рявкнул Маликов. – Позаботься лучше о себе! Я предупредил остальных о твоих выходках. На моем показательном примере вся подстанция убедилась, что тебе доверять нельзя.

– Не обобщай, а? Если ты не с той ноги встал, то заткнись лучше в тряпочку, – наседал Фомин, расчесывая мокрые волосы. – Не подкидывай говна! Сегодня еду на пикник, а ты бесценными замечаниями заколебал. Уймись! Вколи промедол и забудься. Хочешь, ради тебя спишу ампулу?

– Обойдусь! – парировал Маликов и лег на кушетку, не разуваясь.

Дождавшись, когда Фомин исчезнет, он взял себя в руки и переоделся. Придется терпеть и работать, ведь его никто не заменит. Через полчаса прогремел первый вызов. Наспех проверив инструментарий, Максим, прихрамывая, спустился к крыльцу, пытаясь не думать о насущных проблемах. Как и полагается, за смену он спас несколько жизней, не испытывая морального удовлетворения. Хотелось списать неудачи на тяготы судьбы, но Димка и Семыч не поймут его душевных терзаний. Апатия вгрызалась в душу как червяк в спелое яблоко.

У Димки под глазом горел смачный синяк, разрисовавший физиономию в ярких красках. Он сидел в громадных наушниках и прикусывал губы, налегая на «Байкал», нацепив черные очки, дабы не светиться перед честным народом и не компрометировать образ доброго медика. От Симыча несло чесноком и машинным маслом. По привычке он без устали тараторил, как справил юбилей тетки, где отплясывали грязные танцы, порвали гармонь, и без драки не обошлось, а он держался в сторонке и не вмешивался, налегая на горькую. От чесночного запаха Максим пытался укрыться в лобовом окне. Когда Семыч курил, дым образовывал вовсе непереносимый коктейль тухлых яиц.

– А ты что седне не в духе? – проникновенно спросил Симыч. – Случилось чего?

– Погода нелетная, небо закрыло, вот и маюсь. Я к магнитному полю очень чувствительный, – заливал Максим. – Это приходит с возрастом, но кому-то везет, а кто-то страдает.

– А я не реагирую, – похвастался Симыч, причмокивая, будто соскабливая остатки пищи между резцов. – Бывает, давление подскочит, а я не ощущаю. И диспансеризации не боюсь. Здоровье у меня богатырское. Мой род – долгожители, только не знаю, куда его, ешкин кот, разбросало...

– Везет! А Димку кто отдубасил?

– Молчит, сученыш! Думаю, из-за бабы ломается. Ухаживал он давече за одной, так может, наварлся на соперника.

– Он? Ухаживал? Не поверю.

– Или в самоволку попал. Ты же, Димас, вроде не бандюкан? – постучал Семыч по стенке. За клетчатой сеткой донеслось:

– Отстань! Кончай допрос! Скажите спасибо, что сюда приперся, а так больничный получается на неделю.

– По рогам тебе дам, а не больничный, – засмеялся Симыч, виртуозно обгоняя ленивые легковушки.

Не втягиваясь в беседу, Максим отстранился и переключился на Ларису: она должна понять его состояние. Их смены не всегда пересекались, но сегодня выпал счастливый случай, когда он сможет напроситься на чай. Надо лишь поймать ее на кардиобригаде, загруженной в летний сезон выше крыши. По объективным причинам им не удастся встретиться при других обстоятельствах. Где-то там, в неизвестности, им будет гораздо сложнее. Она изменится, и ему придется меняться. Он привык видеть ее в одном образе, в голубоватом халате с треугольным кармашком с красной ручкой и записками, в шаркающих тапочках, с заплетенной косой и бледной шеей с серебряным крестом, скрывающимся за майкой в тайной ложбинке.

На дежурствах Лариса вела себя незаметно и не капризничала, прощая его сумасбродные выходки, а на нейтральной территории превращалась в злокачественную стерву. Максим не узнавал ее в пылу ссоры, точно любил ее только здесь и боялся выпускать в большой мир, лишь бы она встречала его с теплой улыбкой, чтобы они застывали в душе или позабытой каптерке между аптекой и складом.

...Возвращались долго, специально колеся объездными путями, чтобы потянуть время. Когда въехали за ворота, Максим первым выпрыгнул из кабины и рванул освежиться. Напился холодной воды из кулера и как человек-невидимка просочился к Ларисе. Расположившись у занавешенного окна, она листала затертый до дыр журнал, лузгая тыквенные семечки. Ее босые ноги отражали свет лампы, а на макушке блестела панамка. Она походила на усталую дачницу после поливки клубники. Заметив Максима, Лариса не оторвалась от чтива и только дернула пяткой. Он нагло схватил ее за большой палец. Подруга завизжала и выронила журнал.

– Прекрати! – дерзко заявила она. – Опять привязался?

– Не начинай, и так тошно.

– Снова бывшая послала? Учти, лечить тебя не собираюсь. На жалость не разведешь.

– Ларис? Мы не малолетки. Есть у тебя что-нибудь выпить?

– Поищи в раковине, – хмыкнула она, опрокинув шелуху, затем наклонилась и стала собирать мусор. – Тоже хочу тебя предупредить, чтобы сюда не захаживал. Я нашла себе друга, и, если по чесноку, уже с ним встречаюсь. Так что попрошу руки не распускать.

– Серьезно? – не уловил юмора Максим, напрягаясь.

Лариса сохраняла интригу и терпеливо молчала. Максим искренне верил, что она шутит, что через секунду поцелует его, и они обнимутся как проверенные любовники. Прошла тягостная минута, но она даже на него не смотрела. Под сердцем что-то булькнуло и провалилось в пятки.

В дверном проеме появилась Людмила, постучавшись в знак хорошего тона. Она принесла полный чайник и включила его в розетку, расположившись на соседней койке, явно не собираясь проваливаться. Оценив неудачный расклад, Максим предложил прогуляться. Лариса судорожно пошатнулась, и он пораженчески отступил, в дверном проеме обратившись к разлучнице.

– Всего доброго, Люда!

– Иди, иди! – огрызнулась она, надув щеки.

За спиной послышался шум шагов. Поглазеть на немую сцену приперлись медсестры и практиканты из Сеченовки. Максим с позором удалился.

«Что за фокусы? – негодовал он, покрывшись испариной. – Почему я не успеваю избавиться от одной проблемы, как приходит другая? Лариска, мы с тобой еще разберемся!» – сотрясал он воздух, ломая пальцы.

Чтобы отвлечься, он попробовал разузнать информацию о погибшей женщине. Долго дозванивался до знакомого терапевта, по стечению обстоятельств дежурившего в ту роковую ночь в психосоматическом отделении. Терапевт нашелся, но сослался на занятость, пообещав перезвонить. Не справляясь с волнением, Максим обливался водой, тщательно растирая скулы. Через полчаса терапевт сдержал обещание, объяснив, что дело весьма запутанное, даже патологоанатом завис. Согласно предварительному заключению пациентка скончалась от многочисленных кровоизлияний, ее сосуды лопались, как пистоны, пережив грандиозную серию микроинсультов. Казуистический случай, добавил терапевт, ведь подобное случается исключительно в пожилом возрасте. Учитывая, что ее повреждения не носили фатального характера – не поддается разумному объяснению, разве что пациентка имела врожденную аномалию сосудистой стенки, проявившуюся в неподходящий момент. Врачам «вставят» за летальный исход, так как что-то нужно объяснять родственникам, а за коллег обидно: они ни в чем не виноваты. Только

родные покойной пока не объявлялись, что тоже довольно странно, хотя это уже вопросы второстепенные.

Максим пытался выудить подробности и попросил сделать копию эпикриза, а терапевт открыто посоветовал не лезть в дебри, намекая, что лично к Маликову претензий нет, и никто не уличит его в халатности или ошибке, поэтому нет смысла париться. Переживают сейчас реаниматолог и патологоанатом. Им придется составить логический протокол случившегося. Скандал удалось предотвратить. Собственно, никто пока и не жаловался, значит, есть шанс, что вообще обойдется.

Когда Максим хотел отключиться, терапевт перешел в контрнаступление и допытывался, почему он так рьяно спрашивает о ней, будто знает что-то особое. Максим ответил, что дама сразу показалась ему плохой, а муж ее тоже скончался при невыясненных обстоятельствах. По старинке он привык интересоваться судьбой своих пациентов, особенно если подозревал осложнения. Терапевт удовлетворился ответом и пожелал Маликову терпения и здоровья, добавив, что собирается наострить лыжи из больницы, но податься пока некуда, и он сидит в режиме ожидания, а случай действительно запоминающийся. На том и расстались.

Максим ожидал услышать нечто подобное. Новости как раз соответствовали бредням полоумного психиатра.

«Это его обрадует!» – предвкушал Максим, набирая номер Глеба, но телефон оказался вне зоны доступа.

Мотаясь от окна к умывальнику, Максим прикидывал, не махнул ли в отпуск его дружок, и не прохлаждается ли сейчас на сочинском пляже или в Крыму с чернобровыми девицами, пока он копается в чужом грязном белье? С какой стати? Довольно!

Как он не пытался забыть, Коромыслов упорно маячил перед глазами. Он пять раз набирал его номер и даже отправил сообщение, чтоб тот незамедлительно ответил.

Поняв, что до Глеба ему не добраться, Максим вернулся к Ларисе. Что эта чертовка хочет? Не послать ли ее всерьез и надолго? Слишком сложно, ведь они регулярно пересекаются на планерках. Нужно навестить ее ближе к вечеру, чтобы выкрасть и утащить в душ, обойдясь без лишних свидетелей.

Вдруг дверь ординаторской распахнулась. Лариса форсировала события, скрестив на груди руки, задыхаясь от возмущения.

– Выйдем? Есть разговор.

– Ты редко сюда заходишь, – опешил Максим. – Угостить кофе? Парни не скоро будут. Или сразу в кабинку?

– Перестань! – твердо произнесла она. – Хочу тебе кое-что объяснить! Ты, видно, не понял! Я нашла мужчину, нормального парня, который не использует меня как куклу, а ухаживает и заботится. Возможно, даже любит. Я не молода, и годы уходят. Мне тоже хочется семью. Ты свою семью разрушил, а я хочу замуж. Возможно, это последний шанс, а ты крадешь его. Ты хочешь, чтобы я оставалась твоей подстилкой, но у меня осталась гордость, и я себя уважаю.

Совсем рядом послышались ворчание и сиплый кашель. С вызова возвращались Сальников и Бочкин, круглощечные юмористы, сыскавшие сомнительную славу неугомонных балагуров. Их присутствие становилось невыносимым. Халеные шутники зашли поздороваться, тем более куковать им придется вместе.

– Я тебе вдалбливаю, внимательнее читай ЭКГ, – навеселе вещал Сальников.

– А ты тщательнее пиши анамнез, – гоготал Бочкин. – Из-за тебя мы переписываем карты, дурень! Твои диагнозы никуда не годятся! Эх, у кого там намечается день варенья? Хочу праздника. Как же тошно вкалывать летом! Макс, у тебя, случайно, в июле не юбилей?

– Нет, я же скорпион, – выдал Максим, зная, что водолей Лариса категорически с ним не совмещалась. За счет чего он так долго удерживает ее? Значит, гороскопы все-таки ошибаются.

Грядет момент их расставания, и здесь звезды правы не по коротким выдержкам из глянца, а глобально, по сути.

– Печально, – расстроился Бочкин и обратился к Ларисе: – Так кто же у нас летняя пташка? Людка! Август! Ты, солнышко, почему нахмурилась?

– В отпуск уйду. Последняя смена.

– Как последняя? – встрял Максим. – Ты же уверяла, что позже?

– Планы изменились.

– Собралась в отпуск и грустишь? Трудоголик! Так проставляться надо, Ларис? Чудная ты! Пессимистам сейчас туго. Только оптимисты выживают. Есть такой вшивый анекдот: почему врачи падают на полторы ставки? На одну есть нечего, а на две – некогда, – засмеялся Сальников, – а мы хоть и вкалываем за троих, успеваем и поесть, и повеселиться, и даже консенсус провести. Бочкин даже диссертацию пишет, в институт повышения квалификации ездит и ваковские статьи публикует. С ваком хрен договоришься! Сестра три года пыталась пройти эту бюрократию, пока не отвалила им бабла, а у нее была идеальная монография. Если есть косяки и недочеты, то откат увеличивается в разы. Я когда выпью, жалею, что не пошел по ученым стопам. Сейчас бы тоже в комиссии сидел и на старость откладывал.

– Кончай базар! – рявкнул неуклюжий Бочкин с перекошенным лбом, плешиной затылочной, с жутко волосатыми лапами и глубоким шрамом над правой бровью. – Чужие деньги считаешь, Семен! По этому поводу есть анекдот: приходит, значит, больной...

Не дослушав, Максим схватил Ларису за руку и вывел в коридор. Направляясь к крыльцу, он сжимал ее потную ладонь почти до боли и чуть отпускал, словно чувствуя, что она вот-вот вскрикнет. Лариса терпела и лишь у проходной дернула рукав, освободившись.

Максим гневно взглянул на нее и отступил.

– Пройдемся? – спросила она сурово, остановившись у лестничного пролета.

Солнце плавно опускалось за трубы гудящих заводов промзоны. Жара отступала, а в головах закипал вулкан. Максим окончательно сорвался:

– Ты завела мужика?! Как ты могла?

– Легко! Он намного умнее и честнее тебя. Ненавижу, когда мне врут!

– В чем я лгал?

– Издеваешься?! – огрызнулась Лариса. – Ты обещал, что не будешь подкатывать к бывшей женушке, но продолжаешь ее пасти.

– Я тысячу раз объяснял, – неумело оправдывался Маликов. – Меня волнует сын, а ты ревнуешь как полная дура! Заладила шарманку! Я же не могу забыть семью, хотя, кажется, что готов задушить Ульяну.

– Ты бы и меня прикончил, если бы осмелилась отказать! Когда последний раз ты обещал съехаться? Постоянное переливание из пустого в порожнее довело меня до нервного срыва. Николай другой, заботливый, честный. У нас сейчас романтическая пора. Мы едем отдыхать. Слышишь? Вместе! Все женщины уйдут от тебя, если будешь думать только о себе. Ты как паразит сосешь кровь! А что ты способен дать взамен?! Минуту судорожных движений?! И не сравнивай меня с ненаглядной женушкой – ей нужны деньги, а мне забота и любовь – в этом между нами колоссальная разница. Ты каждый день отдаешь себя чужим и неблагодарным людям, но забываешь о близких.

– И что ты предлагаешь? Давай жить вместе? Давай поженимся? Хочешь, будем планировать ребенка?

– Поздно опомнился. Шаг отчаяния я не принимаю. Ты откладывал его на черный день. Я уйду. Между нами все кончено!

К чему слова, когда все сказано! К чему пустые объяснения и попытки повернуть время вспять! Женщины редко берут ответственность на себя, но если решение принято, их не остановить.

Бросило в жар. Максим соображал, как скрыться от надвигающегося пекла. Между молотом и наковальней крутилось одно: «не уходи!».

Лариса лихо развернулась и трусцой зашагала обратно, спинным мозгом сигналив, чтобы он не шел следом. Обреченный и униженный, Максим покорился ее решению. Мир рушился, земля уходила из-под ног, но разве он не ожидал подобного поворота сюжета? Разве не предупреждал себя, что их отношения обречены? Как он не готовился к подобному финалу, разговор перевернул внутренности верх дном.

Максим собирался кинуться следом и умолять ее вернуться, готовый упасть на колени и целовать ее лодыжки, но не сдвинулся с места. Он рычал и стонал напоказ, чтобы немые свидетели оценили крутизну его пламенного самосожжения.

...В ординаторской по-прежнему сидела неразлучная парочка. Маликов подошел к окну, схватил бутылку с водой и стал жадно глотать, обливаясь. Коллеги пилились на него как стервятники. Сальников не удержался от неуместных советов.

– Угомонись, брат?! С Лариской связываться никакого резона.

– Заткнись! – пригрозил Максим, сжимая кулак. – Не твое собачье дело!

– А чье? Вы устраиваете мексиканскую драму в стенах дружного коллектива. В следующий раз не заводи роман с кем попало.

Выронив бутылку, Максим львиным прыжком схватил Сальникова за волосы, кубарем опрокинув на пол, ворочая его по линолеуму, норовя разбить рыло и выдавить зенки. Сальников умело закрывался, пытаясь сбросить противника. Бочкин скатился с подоконника и бросился разнимать драчунов, оттаскивая Маликова за туловище. Он вцепился в пояс халата и порвал лямку, а затем отодрал рукав, но кое-как оттеснил Максима в бок, прижав своим пузом.

– С ума сошли? Харе!

– Никогда меня так не валяли! – брызгал слюной Сальников, распластавшись на спине. – Ну, Макс, силен ты в схватке.

Максим задыхался под тяжестью Бочкина. Тот не вставал, но, почувствовав смирение, осторожно соскользнул и поднялся, готовясь к ответному броску. Максим даже не поднимался и протирал вымазанное в слюне лицо с налитыми кровью зрачками.

– Довольны?! – орал Бочкин, растирая ушиб, – так из конторы вылететь можно. Устроили дуэль, институтки благородных девиц.

Держась за стул, Максим перевалился на койку.

– Виноват, не сдержался. Нахлынуло, как с цепи сорвался.

– Он чуть не убил меня, – застегивал уцелевшие пуговицы Сальников. – Ты это видел? Чуть не убил! Я даже в школе никогда не дрался, а тут уважаемый дядя приукрасил мои милые булки. Спасибо, что пощадил! – он придвинулся к зеркалу на стене и присвистнул: – вроде выгляжу чин-чинарем, царапины и синяк – чисто интеллигент с расквашенной харей. Учти, Макс, я тебя уродовать не хотел, а отбивался от ударов. В отличие от некоторых я понимаю, что внешний вид очень важен, и портить твою рожу не в моей компетенции.

– Ладно, ладно, – успокаивал Бочкин. – Забудем, мужики!

– Извини, – промямлил Максим. – Думать нужно, что говоришь. В другой ситуации я бы промолчал, но сейчас не то состояние.

– Ага, неудачный контекст, – умничал Бочкин. – Выпью за вас, а то совесть замучает. Пойду до диспетчерской сигарету стрельну.

– Подожди-ка меня? Только приведу себя в порядок, – хрипел Сальников. – Макс, нам бы боксерские перчатки раздобыть, и на ринг? Бочкина в рефери поставим, чтоб без обмана. Устроим турнир «Золотой стетоскоп», а в награду недельная поездка на дачу в Мытищи. Лариска бы в купальнике таблички с номерами раундов показывала. Тайсон позавидует накалу поединка!

– Будет, будет, – сопел Бочкин, поглаживая живот. – Поднимай зад!

Максим смотрел в пол, успокаивая сердечный ритм. Набрал полную грудь воздуха и сплюнул алые сгустки, оглядывая свои костяшки. Подтянул брюки, скинул разорванный халат, достал телефон, стер номер Ларисы и набрал Коромыслова. Доктор по-прежнему не доступен. Он подсчитал потери: жена, сын, любовница и странный психиатр. Кто следующий? Он остался один, когда особенно нужен советчик, когда его переполняет ненависть к себе. Местные кретины взяли его на слабо, и он, как мальчишка, поддался. Если они захотят подложить подлянку, завтра его вызовут к главврачу, выпишут выговор или даже уволят.

Пытаясь спрятаться от невыносимых людей, Максим спустился в подвал и шатался в крошечной тьме, спотыкаясь о пустые бутылки. Наткнулся на стакан с душком засохшего спирта, открыл тумбочку и достал маленький пузырек. Понюхал, сморщился и налил сто грамм, добавил водой из крана и залпом выпил, с последним глотком разбив стакан в стену. Прокашлявшись, он открывал ящики, ища веник, чтобы собрать осколки, наткнувшись на лопату и рваный противогаз.

Дежурство прошло без происшествий. Перед уходом Максим не поленился разбудить пострадавших борцов, чтобы снова извиниться за мордобой, а они коряво отшучивались, ругаясь матом. Максим предложил выпить за дружбу, а толстяки единодушно назвали себя убежденными трезвенниками.

Пузырек со спиртом пропал. Максим чуть не рванул до ближайшего магазина, но хмельной рассудок заставил остановиться. Лежа на тахте, он расчесывал жесткую щетину, прибывая в прострации, пока не услышал сигнал в мобильнике. Сбой. Письмо не доставлено. Защемило в груди, и закололо в висках. Он достал из аптечки валериану, валидол и анальгин, выпив ядреную смесь разом. Легче не стало. Накатил отвратный дурман. Несло перегаром и поношенными носками. Он метнулся в душ, уловив слабый запах Ларисы, ее шампунь и отпечатки пальцев на влажном стекле.

...Ведливый комариный писк заставил подняться и поскорее собрать котомку. Не дождавшись планерки, Максим слинял с подстанции как подлый трус.

В метро тяжесть в спине накатывала как цунами. Он опять набрал пропавшего психиатра, отправил «Доброе утро!» сыну и даже хотел пожелать Ульяне незабываемой поездки. Написал текст и стер. На мгновение поверил, что Лариса права, и он все еще любит ее и хочет вернуть, но тогда нужно срочно действовать, а он пасует.

Пришла гениальная идея напиться в хлам, до тошноты и булькания в унитазе. Он заглянул в супермаркет и купил две бутылки водки, откупорил одну прямо у вывески и глотнул из горла. Вкус показался отвратительным, пальцы дрожали, и он тут же разбил бутылку об скамью в автобусной остановке, а вторую выбросил в урну. Проходивший мимо бродяга, оскалив черную блестящую бороду, огорошил растяпу отборной руганью и нырнул за пойлом.

Спускаясь по эскалатору, он почувствовал взгляд невидимого наблюдателя. Оборачивался и наткался на школьников и пенсионеров с авоськами. Он тарасился по сторонам, но кроме рекламных щитов ничего не замечал. В ушах отражался протяжный звон, а в сознании маячила особая бдительность.

На «Киевской» он запрыгнул в тесный вагон в час пик, ощущая нехватку кислорода, ожидая приступ удушья. Почти впритык стоял подозрительный тип в синей безрукавке и смотрел сквозь него. От страха спина налилась влагой. Сквозь толпу он протиснулся в середину вагона, но и там противное ощущение не исчезло. Разум предугадывал что-то страшное – подрыв смертницы или техногенную катастрофу.

Инстинкт самосохранения заставил выйти на следующей станции и подняться на поверхность. Максим отдышался, сделал пять приседаний и спустился обратно в подземку, успокаивая себя, что удрал от назойливых пассажиров.

На станции «Молодежная» он заметил полицейский наряд и заметно приободрился, но когда проходил мимо, испугался, что стражи порядка примут его за преступника, уж очень

пристально он пялился на них, словно находился в бегах. С тяжелым рюкзаком за спиной, он прощупал карманы и понял, что забыл документы.

Поисковая собака сердито гавкнула, заставив вздрогнуть и дернуться в бок. Повезло. Обошлось без лишних разбирательств. Скорей бы выбраться из подземной клоаки. На улице он резво доскакал до остановки и сел в отъезжающий троллейбус, абсолютно пустой и безопасный, прислонившись к стеклу. Завернув во двор, он импульсивно считал припаркованные легковушки. У подъезда внимание привлек черный внедорожник, по привычке вызвавший панику. Решил обойти его, но, поглядывая издали, спрятался за горкой, пытаясь проследить, выйдет ли кто из машины. Тонированные стекла скрывали тайну, и автомобиль не двигался с места.

Простояв истуканом минуты три, он понял, что находится в глупом положении, и своим дозором только привлекает зевак и вездесущих старушек. Пока его не обвинили во всех грехах, он неловко проскользнул вдоль стены в подъезд. Глотая сырой воздух, трусцой поднялся на третий этаж, готовясь к схватке с неведомым противником на лестничной клетке, но и у двери его не ждали. Непослушными пальцами он достал ключи. У коврика обнаружил следы песка, вставил ключ, но замок не поддался. Электрическим током пронзило основание позвоночника. Он поколебался, пристыдив себя за страх, и распахнул ногой дверь.

Пустота. Неужели кто-то обчистил его квартиру? Он мимоходом оглядел комнаты, но признаков кражи не обнаружил. Привычный беспорядок, разбросанная одежда, не застеленная постель, полная раковина немытой посуды, засохший хлеб, из ведра тянет тухлыми яйцами, в туалете протекает сливной бачок – типичное гнездо одиночки.

Следов постороннего присутствия нет. Максим подошел к окну и застыл, увидев перед собой ее! Черная машина поспешно тронулась и скрылась за фасадом. Побледнев, он проверил ящик с паспортом и фамильные ценности, наглядно усомнившись в критических способностях.

«Ключи вроде никому не давал. Мать за городом. Жена бы сюда не сунулась. Женьки нет, значит, быть здесь некому, – справедливо рассуждал он, – что же тогда происходит? Я медленно схожу с ума. Проклятый Коромыслов ввел в неадекватное состояние и пропал. Кто будет выводить обратно? Дед Пыхто».

Для страховки он заперся на оба затвора и, не раздеваясь, лег на диван. Только сейчас он испытал накопившуюся усталость и нехилую тяжесть проблем. Недосып и переутомление побеждали. Он сконцентрировался на дыхании и схватил с читального столика коллекционную пепельницу в форме вавилонской колесницы, поглаживая ее как кошку.

Учащенное урчание в желудке заставило подняться и вернуться на кухню. Он разрезал последние куски ветчины и выдул подарочный экземпляр дорогого виски, разбрызгивая капли по стенам непослушными пальцами, будто святую воду против нечистой силы. На обоях мерещились темные силуэты, белые кружевные шторы превращались в колышающихся призраков, а с потолка слышался методичный стук. Максим повторял что-то несурзное и произносил до боли известные имена, пока не прозвучал резкий звонок.

Поперхнувшись, он махом протрезвел и застыл, сложив руки на поясе. Сейчас он не в состоянии встать. Не почудилось ли? Сердце заколотилось под сто сорок ударов. Он взглянул на часы. Звонок повторился, отрывочный, принуждающий. Максим лежал неподвижно, прибитый виски к дивану, и вслушивался в тишину, считая секунды.

Кажется, отпустило. Напряг мышцы и приподнялся, покачиваясь, схватил телефон и позвонил Бочкину, чтобы попросить не жаловаться администрации.

– Здорово! Слушай, я был не прав, – медленно говорил, заплетаясь. – Ты должен понять. Я не нарочно.

– Забыли, Макс! Зря так переживаешь. Проспись! За сто километров чую, что ты лыка не вяжешь.

– Надеюсь, это не отразится..., – мычал Максим, срыгивая.

– Не отразится, не отразится. Ты крепись там, закусывай. Серега добрый, не держит обид.
– Приезжай? Посидим, выпьем.
– Извини, занят. Не могу долго разговаривать.
– Как знаешь! А меня все бросили. Даже Коромыслов пропал.
– Это еще кто?
– Очень хороший чел, только сомнительными учениями ангажирован и слегка с приветом. Истории плетет – заслушаешься!
– Рад за тебя, – уверовал Бочкин. – И где же этот светила?
– Нет его, сгинул. Полагаю, убили его, как и меченых пациентов, значит, и меня скоро прикончат, потому что я теперь единственный свидетель их преступлений. За мной следят, слышишь? Следят черные машины...

Максим не заметил, как пропищали гудки. Бочкин вряд ли услышал последние замечания. Проехали! Отчетливо понятно только одно – в квартире находиться опасно. За ним уже приходили, и они обязательно вернутся.

Переминаясь с ноги на ногу, он добрался до ванны и включил душ. После накинул махровый халат и набил живот соленым печеньем, запивая зеленым чаем. Затем порылся в шкафу, опрокидывая вешалки, и надел чистую фланелевую рубашку, светлые джинсы и твидовый пиджак. Из ящика достал разделочный нож, покрутил им перед собой как шпагой и спрятал во внутренний карман, не собираясь сдаваться без драки.

Попытался дозвониться до жены, а она нагло сбрасывала, пока, наконец, не сорвалась:

– Что тебе надо?! Я не хочу с тобой разговаривать,

– Я сейчас уйду, – обреченно произнес Максим. – Возможно, никогда уже не вернусь, и ты меня больше не увидишь. Знай, что я люблю вас, и тебя, и Женьку, и я вас не брошу. А Джозефу передай, что он старый козел, и я замочу его. Пусть не расслабляется!

– Ты в своем уме?

– У меня есть нож. Я выхожу на тропу войны. Кажется, твой дружок хочет моей смерти.

Он убрал моего приятеля.

– Ты пьян!

– Признайся, где он вас держит? Я спасу. Он не уйдет от ответа.

– Не пошел бы ты?! Мерзавец! Не завидую твоей подружке! Все, что ты наплел сейчас, может быть использовано в суде. После таких угроз тебе точно не видать Женьку. Слабак! Ты же не пил два года?!
– Я вообще не пью.

– Не натвори глупостей! Ты дома? Сиди смирно и не высывайся!

Ульяна положила трубку, а Максим звал ее, пока не погас экран смартфона. Когда стемнело, он осторожно выглянул на лестничную площадку проверить обстановку. Никто его не ждал. Он аккуратно закрыл дверь, еле попав ключом в замочную скважину, и, прилипая к штукатурке, спустился вниз по ступеням, опасаясь пользоваться лифтом.

Прошмыгнув вдоль панельных домов, он доплел до шоссе и поймал встречную машину, попросив подбросить до центра. Выглядел Максим относительно прилично. То ли успел протрезветь, то ли умело держался. Интеллигентность не пропьешь, как уверяла его сестра.

– Куда, брат? – спросил грузный парень азиатской наружности, жалея, что напоролся на пьяницу.

– Давай по прямой.

Тронулись с ветерком. Максим надсадно скрежетал зубами и каждые пять минут просовывал кисть в пиджак, проверяя нож, подозревая подвох в водителе. В желтой прессе писали, что жертвами преступлений часто становятся пассажиры случайных такси, где они получают удар по затылку или выпивают отравы. Ходили слухи о серийных убийцах, подсаживающих глупеньких девушек, жестоко расправляющихся с ними на заднем сидении. Максим старался

быть на чеку, насколько это возможно в его состоянии. Водитель упрямо переключал радиостанции, чем заметно нервировал, словно отправлял зашифрованное послание. На всякий случай Максим оборачивался назад, стремясь увидеть тень в маске и успеть отразить удар.

Добравшись до Садового кольца, парень притормозил у бордюра.

– Приехали. Дальше не по пути.

– Почему?

– Выходи! И платить не надо. Не создавай проблем.

– Ты от Джозефа? – рявкнул Максим, прижимая нож. – Он тебя нанял?

– Нет, не он! Я тороплюсь, – суетился азиат, избавляясь от проблемного пассажира.

Достав из кошелька несколько мятых купюр, Максим положил их на магнитола и открыл дверцу, чуть не упав в черную лужу. Он присел на одно колено и уперся руками в асфальт. Азиат резво стартовал, окатив выхлопными газами. Тяжело поднявшись, Максим направился наугад в сторону метро, озираясь на свет обжигающих фонарей. Потеряв ориентацию, он вышел на встречную полосу и достал из-за пазухи нож, угрожая потоку автомобилей как бесстрашный конкистадор, готовый вонзить лезвие в грудь металла. Машины объезжали его, протяжно сигналив, пока от ослепляющих фар он не склонился к обочине, опираясь на перекрытия. Остановился, перевел дыхание и поднялся на мост.

Мимо промчалась залетная скорая. Максим провизжал что есть мочи:

– Семыч? Димка?

Призыв растворился в шуме автострады. В груди нагнеталась невообразимая буря. На середине моста он заметил, как в его направлении движется гигантский «хаммер», сбавляя скорость и подмигивая фарами.

Максим расстегнул рубашку и прижался к бетонной ограде. Внизу бурлила Москва-река, а чудовище приближалось. Подобно древнему войну, он поднял лезвие вверх:

– Сюда! Ближе! Ближе!

Ревущий дракон неумолимо увеличивался в размерах, наблюдая, как поведет себя жертва.

– Пошли вон! – гремел Маликов, подпрыгивая, и теряя равновесие.

Он так увлекся, что выронил нож, провалившийся в бездну волн, не издав даже глухого всплеска. Воздух сотряс рев двигателя. «Хаммер» подкатывал ближе. Жуткий страх охватил нутро, заставляя прижаться к ограде, оглядываясь назад, злясь, что без оружия он обречен и не способен противостоять врагу.

В досаде Максим снял пиджак и выбросил его в воду.

– Вам не поймать меня!

Он спотыкался и падал, но тут же вставал и мыкался дальше. Страх гнал как ураган, а «Хаммер» неумолимо следовал рядом, прижимая его к обочине. Запыхавшись, Максим присел и подобрал камень, мелкий осколок гравия, а затем бросил его в машину. Камень не долетел полметра, но заметно разозлил зверя, готового раздавить жертву как букашку. Максим залез на бордюр, царапая локти, развел ладони и прыгнул вниз. Черная пелена поглотила тело, распахнув ворота ада.

Глава четвертая

Ползучий скрип в ушах, и жгучая тяжесть в шее тормозили сознание. В кожу впиался невыносимый свет. Хотелось вскочить и разбить лампочки, но что-то приковывало магнитом к гладкому лежаку с углублениями под локти и таз. Голова надежно фиксирована в отдельной ложбинке. Заклеенный пластырем нос чесался и дергался, привыкая к кисло-сладкому запаху из вентиляционных отверстий.

Свет медленно погас и превратился в призрачный антураж, когда Максим поднапрягся и повернулся, ощутив внутри несколько проводов, уходящих в носовые ходы, и датчики, прилепленные к ключицам как фантики от конфет.

Тьма пожирала ближайшую видимость. Ощупав себя, он понял, что лежит полностью обнаженный. Поджав колени, Максим со скрежетом приподнялся, обозначив прямоугольное пространство с тусклыми фонарями и мигающими точками, похожими на камеры видеонаблюдения.

Досчитав до трех, Максим поднапрягся и аккуратно привстал, сжимая челюсти от боли в затылке. Похмельного угара не отмечалось. Наконец-то он выпался и обрел смирение. В углу на пластиковом стуле заметил пакет с выглаженной белоснежной пижамой. Он примерил одежду – размер подходил. Надел хлопковые штаны и застегнул рубашку.

– Что-то не похоже на вырезвитель, – прохрипел он, давясь вязкой слюной, будто не размыкал губ около года. – Если я в чистилище, то здесь вполне сносно, но где ангелы, где апостолы, и где суд божий?

На потолке вспыхнули неоновые лампы. Максим прикрыл глаза и ощутил себя подопытным кроликом в окружении неразличимых зеркал. Наблюдатели жадно впиваются в него, фиксируют показатели, дивятся его тупости или сноровке, а он не в состоянии определиться, как поступить, и не давал согласие на участие в этом квесте.

– Эй? – спросил он, прислонившись к мягкой стене. Подождал ответа и стал стучать кулаками, взбивая пружину. – Я ошибся адресом?

Он прошелся по периметру комнаты, заставляя огни меняться, освещая то синим, то фиолетовым цветом, а иногда сверху мерцали красные звездочки, похожие на лазерные линии, указывающие границы поведения, как бы подсказывающие верный путь по вымышленной тропе. Следуя за лучами, он вернулся к своему ложу, оценил провода и проверил их на вкус. Кислый, металлический скрежет.

Соображая, как очутился здесь, Максим вспомнил, что скрывался от преследования, что его атаковал разъяренный танк, похожий на фуру, и он нырнул в воду, спасаясь от неминуемой гибели. Прыжок равносителен самоубийству, но он не собирался кончать с собой. Напротив, пытался спасти свою шкуру. Не получилось. Злодеи добились цели.

«Это похоже на глупое шоу, – с досадой гадал он, – кому же я сдался?»

Неужели инопланетяне похитили его в центре города! Что в нем ценного, когда психика расшатана так, что любые психологические эксперименты обречены. Нет, он не пешка для обработки, а всего лишь пропащий врач, крайне запутавшийся в жизни, но это не повод изолировать от общества и насильно держать в экстравагантной камере. Не повод.

Тарабанив по стенам, Маликов показал неприличный жест камерам-фонарям и уже не слушался ослепляющих лучей. Он пытался как-то привлечь внимание и допрыгнуть до лампы на потолке. Если не разбить ее, то хотя бы повредить, чтобы кто-то заглянул в этот затхлый карцер.

«Как бы свалить отсюда! Если я и навалю дурака, то готов ответить за свои поступки, – здраво рассуждал он. – В конце концов, закон я не нарушал. А если в чем и виновен, то доказать придется».

В темноте появилась щель, ослепив наружным сиянием. В камере появился высокий мужчина атлетической внешности, гладко выбритый и настроенный на деловой тон. На нем сидел в пору подобранный светлый костюм, издавала напоминая хирургический, если бы не бесчисленное количество молний и застежек. В руках он держал дубинку, похожую на электрический шокер.

– Вот вы-то мне и нужны! – вскрикнул Максим. – Потрудитесь объяснить, что здесь происходит? Мне надоело выглядеть шутком. Я бы хотел одеться и заказать такси. Или вы сами развозите по домам?

Атлет взглянул на него как на умирающего от неизлечимого недуга больного.

– Полагаю, ваше состояние нормализовалось, и вас можно перевести из изолятора в палату специального наблюдения.

– Какой изолятор? Какая палата? Разве я не в вытрезвителе?

– Нет. В том месте гораздо хуже.

– Утешили, – ерничал Максим. – Принесите что-нибудь перекусить?

Из-под кушетки выкатилась разъемная доска. Атлет указал дубинкой на пластмассовый стул. Рядом выполз поднос с пластиковой посудой, наполненной кашеобразной массой и голубоватой жидкостью.

– Ваш стол пока останется диетическим, а белок появится чуть позже.

– Хоть на этом спасибо! А вы кто будите? – приветливо спросил Максим. – Обстановочка напоминает бутафорский дурдом. Вы за психа меня здесь держите? Так, я, кажется, догадался. Вы санитар или медбрат? Так я тоже медик. Врач общего профиля, Максим Сергеевич. В прошлом общий хирург. Будем знакомы?

– В именной карте вы записаны как Никас-37. Скоро вам предстоит побеседовать с лечащим доктором. Уверен, вы поймете друг друга гораздо быстрее, чем остальные.

– Не понял! Где я нахожусь? Что значит, остальные?

– Это не в моей компетенции. Вопросы задайте вашим ассистентам. Я всего лишь отвечаю за общую безопасность. Можете пока спокойно поесть. Силы вам понадобятся. Приятного аппетита.

Он достал из кармана папку, что-то чиркнул в ней, проверил освещение и удалился.

– Никас тридцать семь? Точно квест! – прошептал Максим, осторожно раскрывая контейнер с кашей. – Лариса устроила сюрприз, или Бочкин прикалывается?

На вкус еда отдавала соей и была недосоленной, но отвращения не вызвала. В его состоянии любая пища сгодится. Жидкость в стакане напоминала воду, подкрашенную неизвестным реагентом.

Заморив червячка, он только разгорячил желудок, собираясь вновь тренировать кулаки и требовать объяснений. Вдруг появились две тени в санитарных масках, грубо взяли его за локти и уложили на кушетку, фиксируя грудь, шею и ноги кожаными ремнями, а в рот засунув тряпчатный кляп.

Максим неумело сопротивлялся, но санитары как по алгоритму привели его в беспомощное состояние, затем щелкнули затвором, и кушетка покатила на беззвучных колесах по коридору. Максим пялился на блеклые лампы, устав от переизбытка света, жмурился и терял сознание. Он рычал и пытался поднять голову, когда санитары прилепили ко лбу скользкий жгут.

Осталось смириться с уготованной участью. Еле-еле он улавливал неразборчивый гогот, фоновый шум, далекую болтовню, слабые вскрики и всхлипывания. Каталку закатали в лифт. Максим ощутил резкий подъем и перехват дыхания. Затем открылся следующий длинный отсек, и распахнулись двери операционной.

Каталку поставили в центре. Над ним наклонился пожилой человек с гладкой лысиной в круглых линзах, с коротко подстриженной бородкой и пронзительными зрачками, невероятно узкими, но прожигающими насквозь. Он лично сорвал с него пластырь и вынул кляп.

Максим смачно отплевывался и выпучивал глаза.

– Вы здесь главный? С ума посходили что ли?

– Спокойно, мой друг, – произнес старик мягким голосом, светя в глаза тонким фонариком. – Постарайтесь вдумчиво отвечать на мои вопросы.

Сверху нависали широкий халат и белые перчатки. Сзади толпились кривые силуэты. Максим не мог разглядеть их, а только слышал, когда к профессору наклонялись тени в масках. Старик будто готовился к операции, ожидая, когда подадут скальпель.

Голову снова прижали, прилепив к вискам щекотливые датчики.

– Мягче, мягче. Не шевелитесь, – приказывал старик. Его подвижная мимика превращалась в гармошку. Кожа была непривычно гладкой, будто искусственной как в музее воско-

вых фигур. Старик походил на зловещего гения, готового покусать любого на органы, чтобы фильтровать экспонаты в формалиновых банках и делать бесконечные срезы, изучая метаболизм кислот и проведение нервных импульсов.

- Релаксанты готовы? – спросил он, подняв вверх крючкообразные палыцы.
- Да, – послышалось с боку.
- Начнем со стартовой дозы. В прошлый раз хватило пятьдесят миллилитров.
- Хорошо. Вводим.

В локтевую вену вонзилась игла. Под кожей что-то заскрежетало. Под солнечное сплетение влилась немая прохлада. Раньше Максим переживал наркоз. В возрасте восьми лет, играя в футбол на бетонной площадке, он сломал ногу. С жуткой болью и истекающего кровью его доставили в районную больницу с открытым переломом. Тогда операция прошла успешно. Кости срослись как на собаке.

- Чем я болен? – успел прошептать Максим, теряя дар речи.
- Скоро узнаем, – донеслось слева.

Максим почему-то не засыпал, а чувствовал себя невесомым, совсем перестав ощущать вес, словно выйдя из тела в состояние левитации, летая под потолком и наблюдая происходящее как бы со стороны, если бы не фиксация и отсутствие мотивации. Губы изображали растерянную ухмылку, будто его накачали веселящим газом. Он заметил перед собой набор резиновых электродов, полагая, что сейчас его ударят электрическим током.

- За что?

Ремни сжались сильнее. Черствый старик обхватил его плечи.

- Напряжение? Разряд!

Колкий удар по вискам, и цепочка молний пронзила мозг. Он повис в потоке нейронов. Следующий разряд заставил подпрыгнуть и вернуться, колыхаясь как привязанный за тарзанку.

- Удар! Еще удар! Напряжение?

Каждый последующий разряд переносился мягче. Перед Маликовым промелькнула вся жизнь, короткая, ненаглядная и острая, как жгучий мексиканский перец: утроба матери, путь через родовой канал, как он вгрызался в плоть и двигался головкой вперед, с ревом выпутываясь сквозь паутину труб. Стенки влагалища сокращались, помогали ему выталкиваться, а он испытывал ненависть, задыхаясь. На него обрушивался водопад из соленых вод, а могучая сила подталкивала его, бурлила и разрывала промежность, видя вдалеке свет. Он пережил второе рождение, как его взяли на руки, отрезали пуповину как последнюю связь с матерью. Дальше пронеслись пеленки и простыни, запах мочи, умывания, детский сад, прогулки с коляской, сердитый взгляд отца и вечно любящая мать, бессонные вечера, снег, катания на санках, рыбалка, первый школьный урок, продленка, столовая с котлетами на пару и пройденные классы. Затем фонтанной струей пронеслись институт, свадьба, медовый месяц, сложные операции, бессмысленные переработки, межпозвоночная грыжа, родительская дача в сосновом лесу, ссора с сестрой, материнские слезы, катание сына на роликовых коньках, нарядная Ульяна и салат «Оливье» в Рождественский вечер. Путешествие сквозь время закончилось где-то в будущем, когда он увидел себя на тридцать лет старше, значит, прожить ему придется долго, то есть он пока не умрет, значит, нельзя бояться.

– Никас – 37? – услышал он вкрадчивый баритон. – Вы атипично перенесли процедуру. По неизвестным причинам релаксанты на вас не действуют.

- Не действуют?

- Повторный курс пока противопоказан. Вечно у вас не как у людей.

– Как у людей? – повторял Максим, медленно возвращаясь в реальность, замечая, как над ним склонились изучающие тела: причудливый старик с раздраженным видом, скользкий тип восточной внешности с крупной родинкой на щеке и женщина бальзаковского возраста,

скрывающая длинные каштановые волосы под белоснежным колпаком, неотступно следящая за его потугами, фиксируя данные мельтешащих датчиков.

В извилинах звучала сумасшедшая симфония Шуберта, а от ощущения оглушающего присутствия было непривычно легко, словно Максим находился в наркотическом опьянении.

– Так мы отменим полный курс? – уточнил тип с родинкой.

– Естественно. Пациент не дал ожидаемых реакций. Электросудорожная терапия требует пересмотра и корректировки. Придется переходить на медикаментозную и магнитно волновую поддержку. Он должен выдать контрольные реакции, иначе вся затея насмарку.

– А если не получится? – с вызовом спросила женщина, хлопая нарощенными ресницами. – Общие показатели далеки от нормы. Я бы провела дополнительные анализы, прежде чем подписываться на прием препаратов.

– Обязательно, – потирал скрюченные ладони старик. – Видите, как он экзальтирован? Мы усердно отмывали его от алкоголя, но, боюсь, не весь ацетальдегид удален, и вообще неизвестно, что намешано у него в крови. Обязательно проанализируйте гормональный статус и иммуноферментный скрининг. Добейтесь отсутствия незначительных отклонений. И пока никакого типирования. Пока мы не настроим его на полный прием, не добьемся отдачи. Контрольная группа справляется значительно лучше.

– Возможен регресс после фатальной серии импульсов? – спросил кто-то в тени операционной.

– Проверим через пять суток. Нельзя все предусмотреть. Исключите риски! Сегодня мы довели его до экстаза, но он должен адаптироваться к воздействию. Понятно? – вспыхнул старик и тут же смягчился: А вы, Милана Афанасьевна, повторите, пожалуйста, биопотенциалы. Что-то меня смущает. Никас-37 – потрясающий экземпляр. Чувствуется некая перспектива. Аномалии, коллеги, подтверждают общее правило.

В вену ввели усыпляющий раствор. Максим долго сопротивлялся и не реагировал на инъекцию, издевательски подмигивая старику и его ассистентам. Женщина с каштановыми волосами чем-то напоминала мать, и даже казалась красивой, поэтому очень понравилась ему. Точь-в-точь как матушка в годы увядающей молодости. Маликов отчетливо представил ее черно-белые снимки, где она позировала в ситцевых платьях на комсомольских танцплощадках в окружении бравых советских парней, прибывших из служебных командировок по освоению северных территорий или демобилизовавшихся срочников. Фото отдавали магическим реализмом, а притягательная женщина выглядела настолько явственно, что он даже произнес ее имя, а после добавил – «Мама!», но его никто не услышал.

– Пациент отключается, – произнес узкоглазый. – Завершаем? Процедура прошла без видимых осложнений. Вернем испытуемого в изолятор, а чуть позже переведем в наблюдательную палату. Я пока заполню протокол.

– Лады! Но я ожидал большего, – заметно огорчился старик, – столько месяцев бились над этим проектом, а так и не получили достоверного подтверждения воздействия.

– Каждый организм воспринимает биоэлектрические импульсы сугубо индивидуально, – перебила женщина-мать.

– Не говорите банальностей, Милана! Да, у каждого своя защита, если хотите, свой информационный купол, но биология человека одинакова. Как вы не спорьте, мы живем по одним законам. Вы и я, в сущности, материя, запрограммированная на универсальный процесс. Существуют общие законы бытия, голубушка! Не заставляйте меня повторять вам азы нейрогенетики? Вы знаете их не хуже меня.

– Атипичных реакций становится слишком много, что настораживает, – восклицала Милана, пытаясь задеть старика или доказать свою правоту.

– Общий результат определяется накопленным опытом. На одного пациента воздействие действует безукоризненно как в академических учебниках из всемирной библиотеки.

Если пациент отягощен, то возможны некоторые подвохи. Соматический фон очень значим. Помните, как мы потеряли нескольких испытуемых только потому, что у них отказали кровеносная и дыхательная системы? А когда мы усиливаем амплитуду, происходят злосчастные инсульты – мозг сгорает изнутри. Доза! Доза излучателя – определяющий момент в семнадцатом проекте, и пока мы не определим необходимую калибровку, должного успеха не добиться.

– У нас есть и другие проекты, – ревностно произнес узкоглазый. – В них мы достигаем более выраженных результатов.

– Не наступайте на больную мозоль, – промямлил старик, разочарованно взглянул на дремавшего Маликова, словно наблюдавшего за занимательной троицей. – Отвезите его скорее! Нет, вы видели? Он подслушивает. Доктора вечно портят общую выборку.

...В мозг вонзился противный скрежет. Максим повернулся на бок и рухнул на кафедру. Корчась от боли, он прищурился, привыкая к яркому свету. Перед ним возникли два безликих мутанта в банных халатах и сандалетах, терпеливо рассматривающих, как он крутится на месте как черепаха, поглаживая образовавшуюся шишку.

– Новенький?

Максим разглядел смуглого юношу, протягивающего тонкую руку. Покачивало, а в глазах двоилось. Общими усилиями его усадили на постель, положив под спину подушку.

– Где я?

– В центре душевных недугов, – ответил второй, остроносый, облизывая пальцы.

– Да, конечно, – ухмыльнулся Максим, поглаживая заживающие вены. – Всего искололи, сволочи! Не подскажите, когда я успел свихнуться, чтобы меня упекли в дурку?

– А ты видел здесь хоть одного умалишенного? – переспросил смуглый. – Здесь только здоровые граждане. Больны не мы – больно общество. Оно выдавливает нас и изолирует. На самом деле мы адекватнее, чем кажемся. Нас поддерживает праведная жизнь.

Он заплетался и пытался активно жестикулировать, изображая провинциального политика, которого напоили брагой, и выпустили агитировать на пустую площадь в выходной день. С такими способностями гусей да кур развлекать, но разве ему объяснишь методологию современного пиара?

Говорливый фрукт вдохновлено заливал ерунду, скрепя тряпичными сандалетами с металлической застежкой:

– Изоляция тренирует нервы. Мы хотим быть счастливы, и мы семимильными шагами движемся в здоровое будущее. Придется пострадать за счастье следующих поколений, а кто не страдает, тот не живет в полной мере, тот в общем-то ходячий труп. Здесь таких десятки, живых трупов. Они только едят и гадят, гадят и едят, пропуская через себя тонны химии. Нам дарована свобода, находящаяся внутри нас, и только мы способны распорядиться ей по своему усмотрению. Только мы. Вы, мистер икс, каких придерживаетесь убеждений?

– Ультраконсервативных, – отбросил Максим, оценивая окружающую обстановку. – Братцы, где мы территориально находимся? В городе или в области? Мне разрешат позвонить?

– Тут тебе не санаторий, – презрительно вставил остроносый.

Максим заметил изогнутую в спираль трубку, торчащую из паха, должно быть, катетер или встроенный датчик как в фантастических фильмах.

– Кино снимаете? Никогда не хотел сыграть сумасшедшего. Чувствую, творится какая-то подстава. Недавно познакомился с одним психиатром. Не он ли тут заправляет? Обстановка похожа на дебильную игру. Вы актеры, подкинутые сюда специально? Признавайтесь? Каковы нынче расценки за театральные постановки? Вы же не у Михалкова снимаетесь? Никудышные клоуны!

– Стас? Дать ему в морду? – с вызовом спросил остроносый.

– Насилие редко когда оправданно, – ответил смуглый. – В данных обстоятельствах я бы посчитал несколько необоснованным...

Не успел он договорить, как остроносый с размаху ударил новичка в нос. Брызнула алая струя. Максим зажал ноздри и проглотил соленую слезу.

– Гостеприимством вы не отличаетесь, – кряхтел Максим, захлебываясь мокротой. – Вы должны понимать, что вся эта бодяга незаконна. Я их засужу. Они такое со мной вытворяли – мама не горюй. Наркоз, электрошок, смывы, мазки, полный комплекс обследований на высшем уровне. А вы, бедолаги, как тут оказались?

Соседи зависли, не зная, что отвечать. Остроносый прокашлялся и присел поближе.

– Извини. Я давно никого не бил, но очень хотел ударить. Навязчивая идея сломать кому-нибудь челюсть.

– Так и бил бы в челюсть?

– Промазал. Темно слишком. Ты спрашиваешь, как я сюда попал? Смутно помню, уже потерял счет времени. Я называю это место концлагерем, потому как другой аналогии не возникло. Здесь заправляют настоящие фашисты. Началась третья мировая война? Мы военнопленные или захваченное гражданское население? Иногда я вижу сны про разрушенный атомным взрывом мир, где мы сидим в подземном бункере и не видим белого света. Здесь есть своя «Зеленая зона», но туда пускают редко, по особым соображениям. Не каждый из нас попадал туда. У меня воспаление мочевого пузыря, и ноют камни в почках, но меня не оперируют, ждут, когда пузырь лопнет или покроется гангреной – наше здоровье их мало интересует. Они следят за нами, подслушивают, подглядывают. Видишь лампочки в верхнем углу? Это камеры. Они постоянно сканируют мои мысли и предугадывают вопросы. Как я попал сюда? Война, плен... Нас держат на дрова, чтобы зимой кремировать в печах...

– Что-то не слышал ничего о войне, – скептически признался Максим, – я собирался искупаться и нырнул в реку, а ваши гуманоиды выловили меня на дне и переправили сюда. Врежь-ка еще в челюсть?

– Давай.

– Нет, дай-ка я?! – вмешался смуглый и без предупреждения вколотил Маликову по губам, разбив их вдребезги.

От удара Максим слетел с кушетки, но тут же поднялся и уже приготовился ответить, но остроносый заслонил обидчика.

– Давайте прекратим ребячество! Если будем драться, нас растащат по одиночным камерам. Там на живот нацепляют десятки проводов и включают ультразвук. Люди слетают с катушек и не возвращаются.

– А ты почему вернулся?

– Бонус за примерное поведение. Полагаю, что ценен для разведки. Меня готовят к особому заданию.

– Корень зла в неправильном мироустройстве. Все беды от недостатка либерализма, – вмешался второй оратор. – Люди превращаются в животных. А вы, значит, ультраконсерватор? Из-за таких, как вы, нас и бросают в тюрьмы.

– Пошутил я, – виновато пояснил Максим, – Я как бы вне политики. Так мы познакомимся или как?

– Стас, – отдал пионерский привет худощавый дрищ, похожий на гипофизарного подростка-переростка. Его атрофированные ладони украшали кривые пальцы с искусанными ногтями.

– Ганс Руйкович, – помпезно представился смуглый, – я чистокровный поляк, но родился в Австрии. Я намеренно сменил имя, и в политической среде известен под именем Никола Бобер. Нашу партию не допускают к всенародному голосованию, поэтому мы вынужденно перешли в подпольное существование. Сразу предупреждаю: мы не сторонники террора. Свобода, равенство и братство – подходящий девиз.

– Где-то я это уже слышал, – почти отошел от наркоза Максим. – Плагиатом занимаетесь.

– Какие выборы, когда на кону вопрос об истреблении человечества? – встрял остроносый. – Нонсенс! После ядерного взрыва не осталось ни одного вменяемого правительства и муниципальных собраний. Езжай в Кукуево и властвуй! В покинутых городах тлеет радиоактивный пепел.

«И я свихнусь с этой дрянной компашкой», – понял Максим, не собираясь обострять диспут, перестав воспринимать их словесный помет.

Оба собеседника пребывали в выдуманных мирах, разобраться в которых по силам лишь изощренному старику с первоклассными ассистентами. После отходняка накатило приятное состояние полудремы, приковав к постели без фиксирующих устройств, словно мозг активировал дополнительную опцию сна. Тело парализовало. Перед взором опустился туман, призывая лежать неподвижно под гнетом атмосферного столба. Воздух сжался до атомов. Окружающие слились в безликие формы. Так действовали принятые электрические потенциалы.

Episode A

Шел тридцать шестой день служебной командировки.

Я вел врачебную практику по контракту в передвижном госпитале в окрестностях Гудермеса, перебазировавшись из Шатойского района. Мы обосновались в полуразрушенном здании бывшей администрации, где кое-как было налажено водоснабжение, санузел и полевая кухня. Получен приказ разместить тридцать коек в сырых, заплесневых помещениях с протекающими трубами и клопами-мутантами с колкими усиками и хоботками.

Первую неделю меня поражала пугающая тишина, прерываемая одиночными выстрелами. Это снайперы, объясняли мне бывалые, убивают солдат по одному. Периодически палили и с нашей стороны, но только не в одиночку, а стройным хором, из калаша или пулемета – так проводились плановые зачистки.

Я заседал в медпункте от рассвета до заката, организовывая квалифицированную помощь раненым, разделив их на привычные категории: транспортабельные, нетранспортабельные, с легкими, средними и тяжелыми повреждениями. Малая часть не доживала до эвакуации в тыл. С непривычки от нагрузок и стресса я на месяц забыл о бывшей жене и сыне, будто их никогда не существовало.

Основные госпитали базировались в районных больницах в Махачкале и Владикавказе. С немного согласия штаба как исключение мы принимали и местное население. Сразу после открытия к нам повалили тетки с детьми, старики и подростки, подорвавшиеся на минах и растяжках. Гораздо чаще им требовалась терапевтическая помощь, но терапевты в штате не водились, только военно-полевые хирурги общего профиля.

Как-то довелось даже принимать роды у семнадцатилетней девчонки. Ее привела ошалелая мать в гремучих слезах, а следом прибежал бешеный муж в фуфайке и сланцах, похожий на переодетого боевика. Его не хотели пускать и тщательно обыскали, а когда увидели, вовсе уложили на землю и чуть не посадили под арест, так как кто-то из собров узнал в нем наемника. Несмотря на плановый характер вмешательства и колоссальное желание помочь роженнице, младенец скончался после кесарева сечения по неизвестной причине. Девчонка чудом не отправилась на тот свет. Ее доставили во Владикавказ на вертушке вместе с тяжелоранеными. Узнав о смерти дитя, мать истошно вопила и как зомби бродила вокруг администрации, а отец перенес потерю стойко, меланхолично перебирая жемчужные четки. Когда его спрашивали, не собирается ли он мстить, он гордо отвечал:

– Не мой ребенок! Мой бы выжил. Я ему не отец.

– А чей тогда? – спрашивали офицеры, давая ему прикурить.

– Вернется жена, и спрошу! Не дам ей спуску!

– Ты бы полегче, джигит! – предупреждал младший лейтенант Смирнов. – Ей забота нужна, а ты настроен на взбучку. Натерпелась она от тебя страданий и не выдержала. Ты бы благодарил бога, что она осталась жить.

– Все во власти всевышнего, – поднимал муж ладони кверху.

Затем он пропал, а на неделе произошло нападение на патруль. В ходе перестрелки ликвидировали двух бандитов. На опознании сбежавшего мужа вычислил снайпер, угодив пулей точно в висок.

– Он мне сразу не понравился, – признался боец Петеркин, дергая взад-вперед крупнокалиберной винтовкой. – Глаз наметан. Видел его на крышах. Он наших из-под тишка в сумерках мочил, а днем прикидывался иждивенцем. Хорошо, что баба его пережила. Найдет себе мужика достойней.

Снайпера вели себя пафосно не долго. С первыми боевыми потерями появилась неуверенность и мальчишеская робость, и они наверняка верили в суеверия и исполняли странные ритуалы, считая во сне овец, коих в ближайших аулах становилось все меньше.

Случались окаянные дни, когда привозили много раненых: из жилых окраин, с зеленки, с подбитых бетеэров, с колотыми разрезами в очной схватке. Регулярно приходилось бороться с огнестрелкой, вытаскивать пули и зашивать пробоины, предотвращая перитонит и кровопотерю.

Смертность оставалась низкой, но несовместимые с жизнью ранения косили ребят на повал. Последний месяц привозили много бойцов из Грозного, совсем зеленых срочников, не вкусивших дыма и мяса. Их дробили как оловянных солдатиков. Раненые благодарили небо, что для них война закончилась навсегда. Некоторым ампутировали конечности, но это их волновало мало, как и сгоревшие до костей пальцы.

В памяти сохранился разговор с веселым рядовым Петькой. До дембеля ему оставалось три месяца, он собирался вернуться в Смоленск и втихаря готовил альбом, вмещавшийся в кителе.

– Счастье. Есть на земле счастье. Потерять один палец – не беда.

– Отоспишься на мамкиных харчах, – завидовал контуженый сержант.

– Этот палец будет напоминать о войне. Особая метка, моя жертва родине.

– А за кого ты воевал?

– Прежде всего, за себя. Хотел выжить, и баста.

– Вот и мы за себя воюем. Но так воевать тошно, нестерпимо. За идею воевать надо, а какая тут идея? Загасить духа и спастись. Это не идея, а полнейшая провокация.

– Кончай городить брехню не по уставу, – гнусил раненый в бедро майор. – Сейчас рапорт на обоих напишу и привлеку к дисциплине. Да шучу, парни, справедливо базарите. Хлебнули горя! За матерей сражались, чтобы дождались сыновей.

...Погода преподносила сюрпризы. В течение трех недель стояла невыносимая духота и жара, обнажив угрозу холеры. Не боясь подцепить заразу, солдаты пили воду из подземных ключей, напрасно полагая, что она из артезианских впадин, но некоторых счастливиц скрутило диареей. Я не рисковал и пил кипяток в процедурке.

В одну убийственно долгую смену доставили пятерых солдат, подбитых в упор из гранатомета. Они выглядели как месиво, сипло дышали, стонали и подзывали к себе боевых товарищей. Из изувеченных ртов лилась пена и агония. Мы перевязывали их обгорелую кожу и готовили к операции, догадываясь, что им осталось всего несколько часов. Последнему повезло дожждаться рассвета. Их поместили в цинковые гробы и отправили на БМП до аэродрома. Придорожных машин проезжало мало, потому приходилось грузить тела на мимоходную технику.

По нечетным субботам приезжала бронированная махина, когда собирались выкурить снайпера из дома или разбомбить засевшую в подвале банду. Танк проезжал мимо разведгруппы, останавливался около отмеченного здания и отшлепывал пару выстрелов. После в бой пускались отряды специального назначения и десантники, зачищая разрушенные постройки. Огонь вели из танковых пулеметов и гранатометов. Тяжелая техника состояла из БТР и БМП. В небе кружили Ми -24 и Су-25.

Обычно на месте зачистки находили позорно мало боевиков. Каким-то образом основной части удавалось скрыться. Очухавшись, они постреливали в спины нашим героям. Раненых боевиков тоже доставляли к нам. Для них выделялось отдельное подвальное помещение среди плесени и бетона, чтобы обезопасить своих бойцов от лишних кровопролитий. Из-за нехватки персонала боевики гибли без должной помощи, на них не переводили много лекарств, а кого спасали, тут же отправляли на допрос и переводили в тюрьмы Моздока или в Ставрополе, чтобы выбить признательные показания или завербовать для спецопераций.

В разрушенных замаскированных складах находили коллекционное оружие от штурмовых винтовок «Хеклер», раритетных маузеров и наганов, до «Вальтер ПП» и «М16», не считая мелочи типа противопехотных мин, растяжек, фугасов и «стингеров». Как столь массивные и дорогие боеприпасы попадали к головорезам, никто не объяснял, но мы и не спрашивали, сдерживая потаенное любопытство.

Случались и короткие периоды отдыха, когда мы маялись от безделья и пинали балду. В клетчатой тетради я вел непутевые заметки, а мои подчиненные фельдшера много курили и меланхолично перебирали четки, переняв дурную привычку у местных разбойников. После обеда к нам забегала шумная детвора, прося поиграть скальпелем, или пыталась купить спирта. Забавы ради мы обменивали спирт на журналы и прочую дребедень. Фельдшера осознанно спаивали молодежь, и когда подростки пьянели, бойцы приставали к ним с расспросами. Мальчишки признавались, что в ближайшем сарае прячется боевик, а в дальнем хлеву укрывается от возмездия целая группа наемников. Тогда на точку направлялись карательные отряды, но редко находили мишени. Спецы возвращались злые, ловили лгунов и надирали им уши, чтобы отучить от вранья. Пацаны клялись матерями, что говорили правду, но мы-то понимали, что среди них тоже есть лазутчики и диверсанты, предупреждавшие своих о планируемых операциях федеральных сил.

– Ты вообще за кого, Аслан? – спрашивали мы у юркого пацана, привязавшегося к медпункту в качестве санитаря на сугубо добровольных началах.

– А мне неважно. И так плохо, и с вами нехорошо.

– Ты бы пошел против нас?

– У меня оружия нет, – бойко отвечал малец, заискивающе поглядывая на автоматы бойцов.

– Так появится. Кругом оружия как игрушек в «Детском мире». Разбей – не хочу! – ржали спецы. – Ты уж наверняка настрелялся?

– Неа, – хитро шурился малец. – Успею. А за кого воевать? Разницы не вижу. По любому лучше мир, чем война. Когда мир, то и еды навалом, можно в футбол гонять по полям, а не искать мины.

– Так за кого ты серьезно?

– Кто сильнее, за того и буду.

– Или кто заплатит больше? Аслан?! – провоцировали спецы. – Мы тебе спирт, а другие доллары впарят. Будешь тогда в нас целить?

– Нет, не буду! Спирт хороший даете. Где я здесь такого достану? – улыбался Аслан, теребя запачканную рубаху. – А деньги сейчас ничто. На рынке хлеба не купишь. Вырасту, буду нефть продавать. У нас ее много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.